

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

СКРИПАЧКА

Татьяна Александровна Бочарова

Скрипачка

Серия «Детектив сильных
страстей. Романы Т. Бочаровой»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67133051
Скрипачка: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-164872-5

Аннотация

Невероятно чувственные остросюжетные романы Татьяны Бочаровой заведуют самые тонкие струны в женской душе, заставляя вспомнить все, о чем мечталось, да не сбылось. Они дарят надежду, что никогда не поздно все изменить!

Уже целый год молодая скрипачка Аля Бажнина работает в престижном московском оркестре. Жизнь девушки не проста, но Аля старается не унывать. Однако все меняется, когда оркестр уезжает на гастроли. Происходит трагедия: убит дирижёр Павел Кретов. Подозрение падает на флейтиста Валерия Рыбакова, у которого накануне произошел с ним конфликт. Все улики против Валеры. Его арестовывают и увозят в Москву, в СИЗО. В оркестре никто не сомневается в виновности Рыбакова. Есть свидетели того, как перед гибелью Кретов кричал: «Флейта, проклятая флейта, убийца!» Одна лишь Аля не хочет верить в то, что

виновен именно Валера. Она сама себе боится признаться, что испытывает к Рыбакову не просто дружеские чувства...

В своих романах Татьяна Бочарова синтезирует разные жанры: это и детектив, и мелодрама, и обязательно лирическая история о человеческих чувствах и переживаниях. Ее герои – простые люди, наши с вами современники, которые волею судьбы оказались в сложной ситуации. Им предстоит сделать непростой выбор, разобраться в дебрях козней и обмана, не сломаться, выстоять, помочь не только себе, но и тем, кому необходима их помощь.

Содержание

1	6
2	14
3	37
4	41
5	45
6	54
7	59
8	67
9	76
10	86
11	93
12	104
13	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Татьяна Бочарова

Скрипачка

© Бочарова Т., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

– Заткнитесь и уберите свою пачкотню! – Павел Тимофеевич перевел взгляд с гудящего, словно улей, оркестра на партию. – Играем с тридцать четвертой цифры. И попрошу без сюрпризов.

Аля искоса взглянула на сидящую справа Ленку. Лицо у той было бледным, утомленным, но она едва заметно улыбнулась и подмигнула. Репетиция шла без перерыва третий час, и у Али от долгого сидения в постоянном напряжении на самом краешке стула тупо ныл позвоночник. Она вздохнула, пошевелила налитыми тяжестью пальцами, подняла повыше скрипку и услышала шепот Ирки Сухаревской, концертмейстера оркестра:

– Давайте, девочки, посерьезней. Иначе нам перерыва не видать.

Аля презрительно сморщила нос: «Ой, какие мы строгие, боже мой! Можно подумать, от нас, скрипачей, что-нибудь зависит. Киксуют-то духовики». Но вслух, конечно, ничего не сказала, а только послушно кивнула. С Иркой лучше не связываться.

Кретов взмахнул палочкой, и оркестр загремел, дружно и слаженно, как один могучий, совершенный инструмент.

«Классно!» Аля невольно распрямила плечи, чувствуя, как отпускает усталость, а на смену ей приходит ощущение

силы и единства, связывающего сейчас все девяносто с лишним оркестрантов. Пожалуй, ради этих минут можно забыть ушаты помоев, которые ежедневно выливает на их головы Кретов, бесконечные повторы, от которых начинает рябить в глазах и устают руки...

– Стоп!!

Аля вздрогнула от неожиданности. А она-то, дура, расчувствовалась!

Кретов в бешенстве швырнул палочку, лицо его постепенно наливалось кровью.

– Флейта! – угрожающе прошипел он. – Что играет флейта? Я спрашиваю вас, Рыбаков!

«Только не это, – с тоской подумала Аля. – Все, что угодно, но не это».

Флейтист Валерка Рыбаков опустил инструмент и молча смотрел на дирижера. Остальные отводили глаза. Все бешено устали, и всем было неловко.

– Сколько можно делать вам замечания? – зло проговорил Кретов. – На чем вы играете? На унитазе?

Кто-то придушенно хихикнул, кто-то кашлянул. Алька почувствовала, как внутри у нее начинает что-то подниматься, вот доходит до ложечки, до груди, до горла. На ее правое плечо легла рука подруги.

– Сидеть! – шепотом скомандовала Ленка.

Эх, Ленка, золото Ленка, понимает все без слов. Знает, что Алька может не выдержать из-за Валерки. Ляпнет что-

нибудь – и прощай оркестр, прощайте гастроли, приличная зарплата. А ей еще долги отдавать за купленную в Москве девятиметровую комнату. Она не шевелясь смотрела, как Валерино лицо постепенно теряет краску, словно отмокает в отбеливателе.

– Я, Павел Тимофеевич, играю на флейте. – Голос Рыбакова не предвещал ничего хорошего.

Пальцы Кретьова вдруг с силой впились в узел галстука, пытаясь ослабить его, будто дирижеру внезапно перестало хватать воздуха.

«Молчи! – мысленно попросила Валеру Алька. – Просто промолчи, и все будет хорошо. Крет явно не в себе. Не отвечай ему, он успокоится и отпустит нас на перерыв! Только молчи!»

Рыбаков, будто услышав Алькины слова, сдержался и ничего не сказал. Но это не помогло.

– Вон!!! – Кретов заорал с такой силой, что Сухаревская, подтягивающая в это время волос на смычке, выронила его на пол. – Сейчас же вон! Вы у меня больше не работаете. Убирайтесь, ищите, где вас возьмут, Христа ради, с вашими семейными обстоятельствами.

Валера дернулся, словно его ударили, помрачнел еще больше и двинулся на дирижера. Павел Тимофеевич невольно отпрянул, тяжело дыша и шаря по карманам в поисках платка.

– Я, конечно, уйду, – тихо, сквозь зубы, выдавил Рыба-

ков, — но и вы не сможете вот так бесконечно всех унижать, вам это даром не пройдет!

Багровость схлынула с лица Кретова, оно стало пепельно-серым, руки затряслись, а в глазах застыл дикий страх. Он выглядел так, словно Валерка уже вытащил из кармана нож.

Алька даже опешила от такой странной реакции дирижера на в общем-то расхожие, хоть и неприятные Валерины слова. Рыбаков давно собрал инструмент и вышел из зала, а Павел Тимофеевич все стоял, не замечая устремленных на него взглядов оркестрантов.

— Крет совсем умом тронулся, — тихонько шепнула Аллька подруге. Та согласно кивнула.

Кретов наконец вышел из оцепенения, промокнул платком шею, нетвердой рукой поднял палочку.

— Последний раз от тридцать четвертой. — Голос его был хриплым и противно дребезжал.

В воздухе замелькали смычки, демонстрируя готовность оркестра номер один.

Фугу проехали кое-как, явно гораздо хуже, чем в прошлый раз, но Кретов больше не сделал ни одного замечания и тут же, по окончании игры, отпустил оркестр на перерыв. Через пять минут Аля и Ленка уже сидели в буфете, попивая кофе и с наслаждением делая глубокие затяжки. За столик к ним подсели альтист Алик Копчевский и контрабасист Слава Зубец.

— Ну что, девчонки, живы? — Алик сочувственно поглядел на уставшую, хмурую Альку. — Я, если честно, таких репетиций со времен Вены не припомню.

— Вены? — рассеянно переспросила Аля. Перед глазами у нее все еще стояло искаженное ужасом, землистое лицо Кретьова, как застывшая маска. Это страшное видение мешало Альке включиться в разговор.

— Забыла, как он нас тогда отымел? В хвост и в гриву.

— Да ее не было там, в Вене, — засмеялся Славка. — Она ж год только как пришла.

— Ну да, точно. А мне чего-то кажется, будто ты, Алька, с нами всю жизнь работала.

— Неспроста ему кажется, — подмигнул Зубец. — Вы, кстати, слышали, что здесь в центральном клубе офигенная ночная дискотека по средам?

— После сегодняшнего только на дискотеку, — скептически молвила Лена.

— Ты зря! — не согласился Славка. — Говорят, там бар, программа, и все прочее. Правда, Лен, пошли! — Он дурашливо завалился на столик, пытаясь заглянуть ей в глаза.

В это время в буфет вошел Кретов, и Алька невольно впиалась в него глазами. Она сидела лицом к двери и хорошо видела, как дирижер подходит к буфетной стойке, берет чашку кофе, неловко несет ее, с трудом удерживая в дрожащих руках, и, озираясь по сторонам, ставит на стол. Репетиция закончилась не менее десяти минут назад, но Кретов, каза-

лось, так и не пришел в себя. Движения его были резкими и нервными, спина совсем согнулась. Он сел за столик боком к Альке, вытащил из кармана пачку сигарет, долго не мог прикурить, а потом откинулся на спинку стула, шаря по залу остекленевшим, невидящим взглядом.

«Да что с ним такое? – недоумевала Алька. – Он точно ищет кого-то, или боится... или... то и другое одновременно».

Славка и не думал поднимать со стола свою лохматую голову, и Альку это начинало выводить из себя.

– Уйдешь ты наконец? – сердито спросила она Зубца. – Кофе разольешь!

– Чего это она такая сегодня? – Славка передвинул голову подальше от Алькиной чашки. – Переутомилась?

– Переживает из-за Рыбакова, – ввернул проницательный Копчевский. – Тю-тю теперь наша первая флейта. Да, Аль?

– Отстань, – отмахнулась она, продолжая из-за спин ребят наблюдать за Кретовым.

Павел Тимофеевич в который раз вытер пот с шеи и лба, перевел взгляд на дверь и вдруг вздрогнул всем телом, да так сильно, что Алька от неожиданности подскочила на стуле. Ей стало ужасно любопытно, кого мог увидеть Кретов в коридоре, и она слегка пододвинулась, стараясь заглянуть за дверь. Но оттуда появился только директор Московского муниципального оркестра Виктор Гловов. Он спокойно прошел мимо дирижера, вежливо улыбнувшись ему, и направился в

другой конец зала.

«Господи, – удивилась Алька, – с Витюшей-то он что не поделил? Готов не Рыбаков, грубить начальству не будет, да он этого просто не умеет. Вечно ходит с приклеенной улыбочкой».

Однако через минуту, после того как Виктор появился в зале, Кретов резко поднялся и, не оглядываясь, вышел, забыв на столе полупустую пачку сигарет. Алька проводила дирижера глазами и включилась в продолжавшуюся за столиком беседу. Алик, Славка и Ленка обсуждали стычку между Рыбаковым и Кретовым.

– ...Павлуха наш действительно погорячился, – проговорил Копчевский. – Не нужно было на личности переходить, хочешь о деле – давай о деле. Валерик бы и смолчал, может. А Крет его, вишь, семейными обстоятельствами покрыл.

– Вот именно, – тут же согласилась с ним Алька. – Какое он имел право?

О «семейных обстоятельствах» Рыбакова, про которые упомянул Кретов, знал весь оркестр. Полгода назад от Валерки ушла жена Вера, оставив ему и его матери на попечение четырехлетнего сына. Раньше она работала в оркестре вместе с Валерой, слыла первой красавицей и первой же гуленой. Осчастливив всех желающих, Верка оркестр покинула, завязала со своим музыкальным прошлым, занялась каким-то сомнительным бизнесом и вскоре нашла себе немца, став фрау Гнайзек. С тех самых пор с Валеркой творилось

неладное: он почернел, помрачнел, стал малоразговорчивым и невероятно грубым, а главное – постепенно утрачивал славу классного флейтиста, киксуя то там, то здесь и частенько заявляясь на репетиции под градусом. В общем, Кретов не так уж был не прав, ополчившись сегодня на Рыбакова, но... Алька не желала этого признавать.

Вот уже год, как она играет в кретовском оркестре, и все это время ее взгляд почему-то настойчиво натывается на Валерку. Напрасно она много раз давала себе слово, что перестанет о нем думать и печалиться. Да что ей за дело? Пока в оркестре работала Верка, Рыбаков разводиться не собирался, стало быть, мечтать Альке было не о чем. Теперь, когда Валеркина жена ушла и он свободен, все могло бы измениться, но... Ничего не меняется. Ей, Альке, Рыбаков не грубит, как остальным, даже улыбается иногда, правда редко. Но, к сожалению, это все. Если зайдет у них разговор, то лишь о работе, да и тут Рыбаков всегда старается вежливо свернуть. А глаза поспешно отводит в сторону...

Алька встряхнулась. Ладно, черт с ним, с этим неприступным Валеркой, лучше она действительно пойдет на дискотеку с Аликом и Славкой, – в конце концов, от жизни нужно брать все лучшее.

В шесть часов девушки наконец дотащились до номера. Обе были как выжатые лимоны. Аля стянула через голову джемпер и, на ходу расстегивая джинсы, отправилась в душ. Включенный на полную мощность, кран сначала зашипел, как змея, затем оглушительно чихнул, и из него полилась тоненькая струйка. Алька сунула под нее руку, и ее передернуло – вода была ледяная.

– Ты чего ворчишь? – Ленка сунулась в ванную и с улыбкой смотрела на раздетую сердитую Альку.

– И как я этой водой голову вымою? – поинтересовалась та. – После сегодняшней фуги у меня все волосы слиплись.

– Так это тебе Владимир, а не Париж. – Ленка постучала по хрипящему крану, повертела блестящие вправо-влево и развела руками. – Что делать, подруга, придется тебе закаляться. Бери пример с меня.

Ленка каждое утро и вечер обливалась холодной водой, чем приводила Альку в трепет – та с детства была мерзлячкой и, наоборот, больше всего любила баню.

Аля вздохнула и полезла в ванну.

– Быстрее давай, – напутствовала ее Ленка, прикрывая дверь. – А то мне не успеть.

Ежась и чертыхаясь, Алька встала под обжигающе холодную тощую струйку и намылила голову шампунем. Посте-

ленно кожа привыкала, и стало даже приятно. Аля вздохнула полной грудью, предвкушая приятный вечер и отдых. Возможно, после бара она даже зайдет к Алику Копчевскому.

За дверью послышался неясный шум, приглушенные голоса, потом Ленкин бархатистый смех. «Кого там принесло?» – удивилась Аля и тут же различила веселое Славкино ржание. Она поспешно выкарабкалась из ванны, закуталась в махровый халат и, встряхивая мокрыми волосами, распахнула дверь.

– Дискотеку отменили, – сообщил Зубец, стоящий в коридорчике. На нем были майка и синие спортивные штаны, мокрые волосы стояли смешным ежиком, очевидно, он тоже только что принял ледяной душ.

– Жаль, – огорчилась Аля. Она уже настроилась на танцульки, громкую музыку, веселье. – Может, есть еще куда сходить?

– Сходим ко мне, – подмигнул Славка. – Я вспомнил, у меня сегодня день рождения.

– Пошел в баню! – Алька шлепнула парня полотенцем. – Мы твой день рождения в Минске справляли, еще в январе. У тебя он что, каждые два месяца?

– Ну ладно, не у меня, – покладисто согласился Славка. – Тогда, может, у Алика?

– Да придем мы, придем, – успокоила его Ленка. – Топай давай. Здесь внизу буфет хороший, сгоняйте, купите чего-нибудь, а у меня есть «Киндзмараули».

– Идет! – Зубец в момент испарился.

Ленка щелкнула заколкой, освободив длинные, светлые волосы, тут же рассыпавшиеся по спине, и отправилась мыться.

Алька свирепо растерла голову полотенцем. Какая, собственно, разница, куда идти, главное – не остаться один на один с собой, с собственными мыслями. Она скинула халат, подумав, натянула короткую кожаную юбку, красный тонкий джемпер и окинула себя цепким взглядом в кривовато висевшем на стене зеркале. Сойдет, очень даже сойдет. Волосы подсыхали, сворачиваясь в тугие трубочки. Алё забросила их назад, сунула ноги в тапочки и выглянула из номера.

Коридор был пуст. Оркестранты занимали два этажа целиком и сейчас, измученные тяжелой репетицией, восстанавливали силы, сидя по комнатам. Все оживет позже, к самому вечеру, когда народ, жаждущий расслабиться, заснует по коридору из номера в номер. Алё неторопливо прошлась по мягкой ковровой дорожке, в которой приятно утопали тапки. Из-за двери Алика и Славки слышалась музыка и взрывы хохота. Алё уже взялась за ручку, но вдруг отпустила ее, двинулась дальше, до самого конца коридора, и остановилась перед Валеркиным номером. Она постояла минуты три, а потом решительно постучала.

– Входите, – раздался из-за двери голос Сережи Гурко, делившего комнату с Рыбаковым.

Внутри царил полумрак, светило лишь одно прикроват-

ное бра. Валера и Сергей сидели на кроватях, между ними на столике стояла бутылка «Столичной», два стакана, лежа крупно и криво нарезанная сырокопченая колбаса на салфетке.

– О! – обрадовался Але Гурко. – Садись, третьей будешь.

Рыбаков покосился на гостью и ничего не сказал. Она пододвинула стул и села, закинув ногу на ногу. Короткая юбка задралась, обнажив стройные ноги. Гурко достал из тумбочки стакан, плеснул в него и протянул девушке:

– Пей.

Алька залпом выпила водку. В голове слегка зашумело, но мысли остались четкими и ясными. Убрать бы отсюда этого Гурко, так он сейчас здесь некстати!

– Классно пьешь! – восхитился Сергей и легонько потянул Альку к себе на кровать. – Молодец, что пришла.

– Пусти! – рассердилась она. – Не суй свои лапы, куда не просят. И вообще, вышел бы ты, нам поговорить нужно.

Гурко в изумлении отвалил челюсть:

– Ты меня че, из собственного номера гонишь?

– Да, – нахально подтвердила Алька.

– Слышь, Рыбак! Мне че, правда уйти?

– Катись, – кивнул Валера.

– Ой, е-мое. – Сергей поднялся, запихнул в рот кусок колбасы и хлопнул дверью.

– Отдохнула немного? Сережка сказал, Крет вас еще полтора часа после перерыва мурыжил, – произнес Валерка.

– Да. Тебе, можно сказать, повезло.

– Здорово повезло, – насмешливо согласился Рыбаков. – Лучше не бывает.

– И что теперь? – Алька взглянула на Валерку в упор, чуть прищурившись. – Уйдешь?

– Уйду, конечно, куда ж я денусь?

– Ясно. – Алька задумчиво качнула головой, немного помолчала, потом резко поднялась со стула и язвительно проговорила: – Ну что ж. Молодец! Все делаешь правильно!

Валерка, не ожидавший такого тона, удивленно уставился на Альку.

– Ты чего? – пробормотал он. – Можно подумать, у меня есть выбор.

– А что, нет? – Алька щелкнула выключателем. Вспыхнула люстра, осветив бледное и угрюмое Валеркино лицо. – Или у тебя мозги ни на что больше не работают, кроме как сидеть в этой темноте и водку глушить?

– Ну хорошо. – Рыбаков тоже поднялся и стоял теперь рядом с Алькой, глядя на нее с ожиданием. – Ты-то что предлагаешь?

– Я? Пойти к Крету, извиниться. Тем более есть за что, не будем кривить душой. Ну и... остаться в оркестре. Почему из-за какой-то ерунды, минутной стычки, ты должен терять хорошую работу, а мы – сильного флейтиста?

По лицу Валерки пробежала тень, оно мгновенно стало замкнутым и отчужденным.

– Много чести Крету извиняться перед ним! – отрезал он.

«Какой ты у нас гордый! – разозлилась про себя Алька. – Думаешь, один ты такой, остальным можно унижаться, а тебе нет!» Она тут же вспомнила, как Васька Чегодаев, инспектор Московского муниципального, недвусмысленно намекнул ей в первый же рабочий день, что неплохо бы им поладить, а не то ее, скрипачку без стажа работы в оркестре, ждут большие неприятности. И пришлось Альке запихнуть свою гордость в карман, иначе турнули бы в два счета по Васькиной указке... А тут всего-навсего пойти прощения попросить!

– Перестань, – устало проговорила она. – Кретов старый больной человек, неврастеник, если хочешь! Ты же знаешь, он на каждого может собак спустить, что же, всякому, кто удостоился его брани, уходить из оркестра? Тогда бы он давно пустыми стульями дирижировал.

Валерка усмехнулся.

– Вот видишь. – Алька вернулась к столу и села. – Самому смешно. Ведь у тебя семья, тебе ребенка кормить надо, а работа в таком оркестре на дороге не валяется. Ты никогда не интересовался, сколько получают музыканты в других? Нет? А напрасно. Знаешь, сколько раз в год там бывают гастроли? Думаешь, каждые два месяца, как у нас?

– Да знаю я, знаю, – мрачно согласился Валерка. – Еще не факт, что можно будет в другое место устроиться после такого увольнения. Захотят справки навести, позвонят Че-

годаеву, а уж он-то все про меня выложит, не поленился... – Он вздохнул и подошел поближе.

– Вот именно, уж он-то точно не поленился! – убежденно подтвердила Алька, представив, как обрадуется Васька возможности наклепать на Рыбакова, которого он терпеть не мог, и добавила мягче: – А Крет сейчас наверняка отдохнул, расслабился. Может, жалеет даже, что так все вышло!

– Да, пожалеет он, как же! Но вообще-то ты все правильно говоришь.

– Ну так и иди, раз правильно.

– Ладно, уговорила. Сейчас в порядок себя приведу и пойду. – Валерка помолчал, раздумывая, затем слегка дотронулся до ее плеча. – Спасибо, что зашла.

– Не за что. – Алька почувствовала, как тепло и хорошо ей стало от этого благодарного жеста. Она подняла на Валерку глаза. На мгновение ей показалось, что он хочет сказать ей что-то еще, вовсе не связанное с Кретовым, но колеблется... Может быть, начать первой? Спросить, почему он так упорно отворачивался от нее последнее время при встречах?

Непривычно мягкое, открытое выражение исчезло с Валериного лица, уступив место обычной вежливой отстраненности.

– Иди тогда, Аль, – попросил он. – Я так сразу не смогу. Мне собраться нужно, сконцентрироваться.

– Концентрируйся, – улыбнулась Алька, хотя что-то болезненно кольнуло ее в сердце. – Удачи тебе.

– Пока.

Алька поднялась и вышла. Она уже почти подошла к своему номеру, когда в коридоре послышались тихие, мягкие шаги. Кто-то ходил возле кретовского люкса, который был расположен за поворотом коридора. Она поспешно прошмыгнула к себе, не дожидаясь приближения шагов, – меньше всего ей сейчас хотелось встретить кого-нибудь из оркестрантов и ввязаться в длинный и пустой разговор о прошедшей репетиции.

Ленки в номере не было, но зато на Алькиной кровати, развалившись, сидел Копчевский. Лицо у него было красным, глаза блестели, на рубашке не хватало верхней пуговицы, – видно, компания изрядно приняла за время Алькиной душеспасительной миссии.

– Ага, пришла! – оживился Алик. – А мы тебя потеряли. Ты чего такая грустная?

– Я? Грустная? – бодро замотала головой Алька. – Да ничуть! Давай пуговицу пришью.

Она наклонилась к тумбочке достать косметичку, в которой лежали нитка с иглой. Алик тут же обхватил ее сзади за талию, его рука проворно нырнула ей под юбку.

– Вроде мы к вам в гости собирались, – беззлобно удивилась Алька, но Копчевский, развернув ее и прижав к себе, уже, сопя, стаскивал с нее джемпер. От его разгоряченного, крепкого тела она ощутила жаркую волну, в голове приятно зашумело. Ее руки легли на оголившуюся из-под рубахи

широкую грудь Копчевского. Тот ловко стянул с нее юбку и мягко опрокинул на кровать...

– Тебе сколько лет, Аль? – спросил Алик минут через сорок, поудобнее вытягивая свое долговязое тело на узкой гостиничной кровати.

– Двадцать четыре. Недавно было. А что?

– Да так. Тебе замуж не хочется?

– Не хочется.

– Странно. – Алик недоверчиво поглядел на нее, слегка приподнявшись на локте.

– Что странно?

– Все девчонки замуж хотят. А уж приезжие – тем более.

– А ты мне что, предложение сделать собираешься? – засмеялась Аля.

– Че смеешься? Может, и собираюсь.

– Так сделай, Алик. – Она потрепала его по рыжим волосам. – А я подумаю. Глядишь, и соглашусь.

– Издеваешься, – обиженно пробормотал он. – А зря. У нас могло бы хорошо получиться. И в постели нам классно, и имена похожи.

– Эх, Алик, если бы все друг друга по именам подбирали!

– Ну не хочешь замуж, не надо, – легко согласился Копчевский. – Я тоже еще погуляю.

– Ленка со Славкой?

– Угу.

Алька подумала, что Валерка должен был уже поговорить

с Кретовым. В самый раз Копчевскому убраться отсюда, а ей выйти узнать, чем все кончилось. Она вскочила, ощущая легкость во всем теле, и стала проворно одеваться.

— Ты куда? — недовольно протянул Алик. — Иди сюда. Ленка не скоро придет. Пусть они там ночуют, а мы с тобой здесь.

— Ну уж нет! — возмутилась Алька. — Она мне этого не говорила. Мотай давай!

— Ну, Аль!

— Давай, давай проваливай! — Она рывком вытянула из-под Алика подушку. — Кому говорю!

— Чокнутая, — сердито прошипел он и стал нехотя натягивать джинсы.

Алька, стоя перед зеркалом, расчесывала черные кудри. Копчевский кое-как заправил в штаны по-прежнему лишенную пуговицы рубашку и побрел к двери.

— Дура ты, Бажнина, — вяло огрызнулся он. — Нормальные девчонки так не поступают.

— Так я ж ненормальная, — весело подтвердила Алька.

Алик, ворча, ушел.

Охватившее ее чувство злого и бесшабашного задора разгоралось сильнее. Она вытащила из тумбочки косметичку, оправила кровать, достала зеркальце, тушь.

В дверь бесшумно, как тень, скользнула Ленка, сверкнула в полумраке зелеными кошачьими глазами, кивнула в сторону ванной:

– Я заскочу на минутку, не возражаешь?

– Да хоть поселись там, – рассмеялась Алька. Ленка, ду-
реха, залета боится смертельно, а таблетки не пьет, вот и бе-
гает в душ как угорелая.

Аля докрасила глаза, провела по губам блеском и засты-
ла, размышляя, идти ли ей к Валерке. Пока она колебалась,
вышла Ленка, скрутила длинные волосы в косу, зевнула и
уселась напротив Альки:

– Где это тебя носило?

– Где надо.

– Девять уже. Крет завтра репетицию на восемь назначил,
садист! Так что я, пожалуй, бай-бай. – Ленка сладко потя-
нулась и откинула угол одеяла. – А то с утра пораньше как
врубим фугу, с тридцать четвертой цифры, и – пока руки не
отсохнут...

Ленка расстегнула пуговицу на платье. Алька наконец ре-
шилась и встала.

– Не ложишься? – удивилась Ленка.

– Нет. Зайду кое-куда. Ты спи, я скоро.

Коридор за дверью взорвался шумом и криками. Девушки
вздрагнули от неожиданности.

– Господи, только бы не бомба, – суеверно перекрестилась
Ленка. Как-то, полтора года назад, во время поездки в Че-
боксары, в гостиничном туалете обнаружили пакет со взрыв-
чаткой, и оркестранты долго не могли этого забыть.

Дверь распахнулась настежь. На пороге стоял Славка,

встрепанный, все в тех же синих штанах, но без майки, с перекошенным лицом.

– Стучать надо! – разозлилась Алька. – Как в свою спальню прям!

– Там... Рыбак Крета замочил! – заикаясь, выдавил Славка.

– Что?!

Алька села с размаху на постель, из перевернутой косметички на пол посыпались тушь, помада, духи, упаковка анальгина, nepотребовавшие нитки с иголкой.

– Вроде как извиняться пошел. – Славка продолжал топтаться на месте, неловко размахивая руками. – А Крет ванну принимал. Воды-то горячей нет, ну он и нагрел ее кипятильником. Из розетки вилку вынул, а сам кипятильник в ванне оставил.

– И что? – прошептала Ленка.

– И то. Повздорили они там или что, только Рыбак взял вилку и всадил в розетку. Пламенный привет.

Алину голову будто сдавили огромные чугунные щипцы, еще чуть-чуть, и, казалось, череп лопнет.

– Ужас какой! – Ленка, белая как полотно, осела на кровать.

– Он признался? – тихо спросила Алька.

Зубец покачал головой:

– Он же поддатый был, мог ничего не соображать. Завелся, ну и... Виталик Прохоров слышал, как Крет орал, перед

тем как...

Славка умолк на полуслове, стараясь отвести взгляд от Альки.

– Договаривай, – жестко приказала она.

– В общем, типа «помогите, флейтист меня...» того... Виталик же за стенкой у Крета, а тут слышимость сто процентов.

Алька встала и отодвинула Славку от двери:

– Где он?

– Крет?

– Рыбаков.

– Почему я знаю. Кажется, на первом этаже, у администратора. Милицию вызвали, сейчас приехать должна.

Аля стремительно выскочила в коридор.

– погоди, я с тобой. – Ленка поспевала шаг в шаг, на ходу застегивая пуговицы. Славка плелся сзади. Из дверей выглядывали испуганные и растерянные оркестранты, коридор гудел.

В небольшом холле первого этажа, у дверей администратора, толпился народ. От двери зевак пытался отогнать инспектор оркестра, Василий Чегодаев. Лицо его было серым, руки тряслись, он что-то кричал напиравшим на него любопытным, но его никто не слушал.

– Пустите! – Аля с налета врзалась в людскую гущу, стараясь протиснуться к администраторской комнате. Кто-то тут же наступил ей на ногу, сбоку больно толкнули в грудь.

Какая-то крашенная, патлатая тетка обматерила Альку и попыталась оттеснить назад, но та с отчаяния сильно щипнула скандалистку за туго обтянутый шелком зад. Крашенная взвизгнула, и Алька с Ленкой очутились нос к носу с Чегодаевым, подпирающим спиной красивую дубовую дверь.

«Это я виновата! – стучало у Альки в голове. – Я уговорила его пойти к Крету! Если бы я не сунулась, ничего бы не случилось. Крет был бы жив, и Валерка... что теперь будет с Валеркой?»

– Во, девчонки, сюрприз, – пробормотал Чегодаев, морщась от напора толпы. – Скорее бы менты явились, а то меня сейчас на куски разорвут.

– Вась, пусти, мы зайдем, – попросила Аля.

– Только быстро, иначе за вами все туда вломятся. Нам шум лишний не нужен.

Чегодаев приоткрыл дверь, и девушки вместе со Славкой просочились внутрь. По контрасту с переполненным холлом комната была почти пустой. За столом у телефона сидела администраторша – интересная суховатая женщина среднего возраста. Вид у нее был спокойный и сосредоточенный, будто такие ЧП случались в гостинице не впервые. У окна на тяжелых мягких стульях ждали Гурко и Прохоров. Гурко был мрачен, а Прохоров заметно нервничал, комкал в руках пачку сигарет и переводил взгляд из угла в угол. Около офисного черного шкафа на кожаном диванчике сидел Рыбаков. Он выглядел, пожалуй, самым невозмутимым из всех присут-

ствующих. Рядом с ним ерзал молоденький дежурный охранник гостиницы, сурово хмурия брови и не спуская глаз с возможного преступника. Валерка не обращал на мальчишку ни малейшего внимания, задумчиво уставившись в одну точку.

Администратор оторвалась от трубки, поджала губы и тоном, не терпящим возражений, произнесла:

– Попрошу отсюда всех посторонних. Здесь у меня до приезда милиции только свидетели.

– Я тоже свидетель, – сказала Алька.

Гурко поднял на нее тяжелый взгляд, в котором явственно читались ненависть и презрение. Валера Рыбаков был его давним другом, и, хотя в последнее время они несколько разошлись, для Сергея сегодняшнее стало ударом. Подумать только, из-за этой маленькой самоуверенной шлюшки... Аля мужественно выдержала его взгляд, хотя на самом деле ей хотелось провалиться сквозь землю.

– Свидетели? – недоверчиво переспросила сухощавая, изучая Алю и Лену. – Вы что-то видели? Слышали?

– Это я уговорила Валеру пойти извиниться перед Кретовым.

Аля наконец решила посмотреть в сторону кожаного дивана, но Рыбаков так и не включил ее в поле зрения. На мгновение Але показалось, что он вообще не видит и не слышит всего происходящего. Будто это к нему не относится.

– Ну и что? Вы ходили с ним к Кретову в номер?

– Нет.

– Тогда какой вы свидетель? Выйдите и не морочьте мне голову. Вы видели, что в холле делается? А если у меня завтра полгостиницы съедет?

– Я не уйду, – твердо заявила Алька.

– Да кто это такая? – насмешливо поинтересовалась администратор. – Девушка, если вам есть что сказать, обождите в коридоре. Сейчас милиция приедет, и вас вызовут.

– Пойдем, – прошептала Ленка и дернула подругу за руку.

– Отстань.

– Ну-ка, Гоша, выведи ее и всех лишних, – кивнула охраннику женщина.

Гоша поспешно поднялся и направился к Але. Тут дверь распахнулась, и в кабинет вошли двое милиционеров, а за ними обливающийся потом, но довольный Чегодаев.

– Так. – Один из вошедших сразу подошел к столу и сел рядом с администраторшей. – Давайте по порядку. Я – Лавров Игорь Юрьевич, старший лейтенант. Это, – он указал на другого мента, оставшегося у двери, – Гроздецкий Семен Ильич, лейтенант. Всем посторонним просьба удалиться, остаются только свидетели происшедшего и администрация.

Алька тихонько прошмыгнула на стул, стоявший у окна, возле Гурко и Прохорова, понимая, что теперь администраторша отстанет. Ленка и Славка вышли.

– Кто обнаружил труп? – спросил Лавров.

– Я.

Аля удивилась: ей почему-то казалось, что Валерка так и будет молчать, словно спать наяву.

– Ваше имя, фамилия, отчество?

– Рыбаков Валерий Андреевич.

– Расскажите, как было дело.

– Я зашел к Кретову в номер...

– Зачем?

– Нужно было поговорить.

– О чем?

– Обязательно отвечать?

– А вы как думаете? Человек мертв, это не игрушки.

– Я хотел попросить его, чтобы он меня не увольнял.

– Он собирался вас уволить?

– Да.

– За что?

– За... – Рыбаков замялся, поглядел в сторону. – Я не совсем вежливо говорил с ним на репетиции.

– Вы поссорились с Кретовым?

– Можно сказать, что так.

– Кто здесь из оркестра? – Лавров оглядел кабинет.

– Все, – хмуро произнес Гурко.

– Вы присутствовали на репетиции, во время которой у Кретова и Рыбакова вышел конфликт?

– Все присутствовали, – подтвердил Чегодаев.

– Хорошо. Рыбаков, что было дальше? Вы вошли в номер... Дверь, кстати, была не заперта?

– Да. Я вошел и увидел мертвого Кретова. В воде был включенный кипятильник.

– Что вы сделали, когда это увидели?

– Выключил кипятильник. Выбежал из номера, стал звать людей.

– Кто вас видел выходящим от Кретова?

– Никто, – удивился Рыбаков. – Я ж сказал, сам позвал... Чегодаева вон, Гурко. Потом многие прибежали.

– Ясно. Здесь присутствует кто-нибудь из соседнего с Кретовым номера?

– Я. – Пальцы Прохорова еще сильнее затеребили мятую бумагу.

– Вы находились в номере последние два часа?

– Да.

– Ничего не слышали за стеной?

– Слышал, – вздохнул Прохоров.

– Что вы слышали? – оживился Лавров.

– Валерка, ты уж прости... – Прохоров дрожащей рукой вытер взмокшую шею.

Рыбаков молча и равнодушно покосился на него и снова уставился в окно.

– Так что вы слышали?

– В общем, он это, старлей, – кашляя, пробормотал Прохоров. – Все я слышал.

– То есть вы утверждаете, что Кретова убил Рыбаков? – удивленно переспросил Лавров. – Почему? На каком осно-

ваний?

– Я слышал, как Павел Тимофеевич вдруг закричал. Он кричал... ну понимаете, только когда знают, что тебя хотят убить.

– Вы можете повторить дословно?

– Да, пожалуй. Он кричал: «Флейта, проклятая флейта! Убийца!»

– Ничего себе! – присвистнул Лавров. – Отчего же вы не прибежали на этот крик? Можно ведь было его спасти!

– Дело в том... – снова судорожно закашлялся Прохоров. – Вы не знаете Павла Тимофеевича. Я не понял, в чем дело. Он, видите ли, часто бывал ужасно груб, не стеснялся в выражениях. Любой, кто фальшивил во время игры или вступал не туда, мог заслужить титул убийцы. Я и подумал... Валера днем поцапался с Кретовым, а тот никак не мог успокоиться, возмущался. Кретов ведь на Валеру здорово рассердился.

– Но ведь вы только что сказали: так, как Кретов, кричат только перед смертью.

– Сейчас понимаю. А тогда я решил, что он просто в бешенстве.

– Это верно, – вдруг подтвердил до сих пор молчавший Чегодаев, – Кретов иногда так орал на оркестр, будто его и впрямь хотят убить.

– То есть Кретов был нервным и невыдержанным?

Почему-то в этот момент Лавров взглянул на Алю, и та

поспешно кивнула:

– Точно.

– На каком инструменте вы играете, Рыбаков?

– На флейте.

– Так... – Лавров задумался и замолчал. Думал он довольно долго, затем спросил: – Рыбаков, вы употребляли сегодня спиртные напитки?

– Ну... да.

– И много?

– Какое это имеет отношение к Кретову?

– Отвечайте на вопрос, Рыбаков.

– Прилично.

– Вы были очень злы на дирижера?

– Очень, но это же не означает, что я собирался его убить!

Валера впервые за эти два часа почувствовал волнение. Хмель постепенно проходил, и он начинал понимать: никто из присутствующих, кажется, не сомневается в том, что именно он сварил проклятого Кретова в ванне. Как же так? Он, Рыбаков, конечно, выпил с трех часов изрядно, но не настолько же, чтоб себя не помнить.

– Вы были очень злы... – задумчиво повторил Лавров, не обращая никакого внимания на конец рыбаковской фразы. – Тогда у меня вопрос к присутствующим. Не слышал ли кто-нибудь из вас, чтобы Рыбаков... ну, скажем так, угрожал Кретову, обещал свести с ним счеты или нечто подобное?

Алька почувствовала, как ладони становятся мокрыми.

Гурко продолжал угрюмо молчать, глядя в пол, а Прохоров оживился и заерзал, но вслух ничего не произнес.

– Значит, не слышали?

– Было.

Аля вздрогнула и перевела глаза на сказавшего это Чегодаева. Тот сделал шаг от дверей, у которых так и стоял все это время.

– Вы инспектор оркестра? – вдруг поинтересовался до этого безмолвствующий напарник Лаврова.

– Да, я инспектор, – подтвердил Васька, почему-то обращаясь не к нему, а к Лаврову.

– Так что было? Мы вас слушаем, говорите, – разрешил тот.

– На последней репетиции, после того как Кретов пообещал уволить Рыбакова, тот сказал ему: «Вам это даром не пройдет!»

– Так и сказал?

– Да.

– Ты чего, Вась? – Валерка попробовал улыбнуться, но это удалось ему с трудом. – Ты ж знаешь прекрасно, я просто трепался. Ты что... вы... правда думаете, что я... его... – Он споткнулся о молчание, остановился, потом с силой треснул кулаком по администраторскому столу и крикнул: – Да вы с ума сошли!

– Тихо, Рыбаков, тихо. Вас еще никто ни в чем не обвиняет. Идет опрос свидетелей, не стоит так волноваться. Вы

не согласны с тем, что сказал инспектор?

– Нет!

– Вы не говорили Кретову эти слова?

– Говорил, – устало подтвердил Валера.

– Так что вас не устраивает?

– Все меня не устраивает. Все. Я имел в виду другое.

– Поясните, что именно?

– Ну... Что Бог его покарает.

– Бог? – насмешливо переспросил Лавров. – Вы сильно верите в Бога?

– Идите к черту.

Валерка отчетливо понял, что напрягаться бесполезно. Его, конечно, заберут. Прямо отсюда. Зачем ментам трепыхаться, когда дело вот оно, почти уже сшито? И кипяильник он, дурень пьяный, вытащил из розетки своими руками – пожалел Крета, чтоб не сварился окончательно. Стало быть, на вилке его пальцы. Эх, гад Васька! Ну Прохоров, тот понятно, трус, в оркестре новый человек, Валерку совсем не знает. Но Васька! Тихий, подлец, воды не замутит, а свое давит, выжимает. Валерка ему давно глаза колет так называемым нарушением дисциплины, небось рад был до чертиков сегодняшней их стычке с Кретовым. Так ведь не успокоился, дальше пошел! Гад, точно гад! Все они... все молчат, никто не заступился, даже Серега – друг называется!

– Ладно, Рыбаков. – Лавров, казалось, ничуть не рассердился на то, что Валерка послал его к черту, и выглядел спо-

койным и даже добродушным. — Ладно. Сейчас мы пока прервемся. Вам придется проехать с нами, отпустить вас под подписку о невыезде я не могу — слишком веские доказательства вашей причастности к преступлению. Поэтому вставайте — и пойдем. Вставайте, Рыбаков, слышите? — Старший лейтенант мягко дотронулся до Валериного плеча.

Тот медленно поднялся. Комната перед его глазами вдруг поплыла, точно карусель, сначала не спеша, затем быстрее и быстрее и, наконец, завертелась стремительно, растягивая и искажая знакомые лица. Последнее, что успел разглядеть Валера, прежде чем поспешно отвернулся к двери от всей этой тошнотворной круговерти, было совершенно белое лицо Альки Бажниной.

– Так и знал, что Рыбак рано или поздно допрыгается. Как говорится, пей, но знай меру! – Алик Копчевский решительно плеснул в стакан остатки «Киндзмараули» и залпом выпил. Он и Славка сидели в номере у девочек и слушали подробный, хоть и сбивчивый, пересказ Валеркиного допроса.

– Крета жалко, – вздохнула Ленка и сморгнула. – Какая жуткая смерть.

– А мне Валерку жалко, – признался Славка. – Сволочь эта Верка, из-за нее все. Нормальный парень был, играл классно. Я ж его с консерватории знаю, он меня на два курса старше. Если бы не эта стерва, ни в жизнь Рыбак до такого не докатился бы.

Аля молча сидела, сжавшись в комок, на своей постели. Ее бил озноб. Она никак не могла простить себе, что недооценила Валеркино состояние, не подумала, что нельзя ему в таком виде идти к дирижеру. Ведь видела же, коза безмозглая, что бутылка-то на столе почти пустая.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в номер заглянул Чегодаев.

– Все сидите? – Он окинул недовольным взглядом притихшую компанию. – Я бы вам посоветовал разойтись по койкам. Завтра будет славный денек.

– Вась, когда мы теперь уедем? – спросила Ленка.

– Не раньше чем через день, а то и два. Завтра менты будут ходить, проверять, кто где был сегодня с полдевятого до полдесятого вечера, вопросы всякие задавать. Так что советую выспаться. Каждому в своей постели. Ясно?

– Ясно, – поморщился Славка. – Это значит, завтра весь день в гостинице торчать?

– Именно, – подтвердил Чегодаев, скрываясь за дверью.

– Шли бы вы, правда, – попросила Алика и Славку Лена. – Первый час. С семи на ногах. Завтра менты вломятся с утра пораньше и начнут душу вынимать!

– А мы, кстати, где были с полдевятого до полдесятого? – вдруг обалдело хлопнул глазами Славка.

– Привет тебе! – хмыкнул Алик. – Ты вроде водку-то не пил, только «Киндзмараули». Не помнишь? Ленка, ну-ка освежи ему память!

– Хорош зубоскалить! – надулся Славка. – Я на часы в таких случаях не смотрю. И вообще, может, это ты Крета угробил, а свалил на Валерку. Где ты шастал все то время, пока мы с Ленкой...

– Ах ты, козел! – задушевно произнес Алик, схватив приятеля огромной пятерней за ворот. – Я тебя сейчас закопаю.

– Ладно, ладно. – Славка дурашливо замотал головой, пытаясь вырваться. – Я понял, ты у Альки был. Ой, Аль, спаси меня, он меня придушит.

– Я б вас обоих придушила. Пошли вон! – рывкнула Алька.

Обозлить Альку было не так-то просто, но уж если она злилась, связываться с ней не стоило. Зубец и Копчевский мигом поднялись и удалились к себе. Ленка тут же улеглась, уютно укутавшись в одеяло. Аля потушила свет, расстелила постель, разделась, вытянулась на прохладной простыне. Сон не шел. Ленка тихо посапывала в темноте.

– Эй, – тихо позвала Аля.

– Что? – сонно отозвалась Лена.

– Ты спишь?

– Нет, я танцую, – рассердилась та, заворочалась и села на кровати. – Интересно, сегодняшний день кончится наконец?

– Лен! – прошептала Аля. – Крет из-за меня погиб. Я к Рыбаку в номер ходила, пока ты в душе была. Это я его извиняться...

– Знаю, – перебила Ленка. – Догадалась уже.

– Лен! Его... теперь посадят? Да?

– Посадят, конечно.

Алька тихонько всхлипнула.

– Прекрати. – Ленка деловито взбила подушку и снова улеглась. – Судьба, значит, у него такая. От судьбы не уйдешь. Не сейчас – значит, в другой раз сел бы, и ты тут ни при чем. Спи!

Но спать Але не хотелось.

– Я покурю? – спросила она Ленку.

– Кури.

Аля выскользнула из постели, приоткрыла окошко. Два

тусклых фонаря слабо освещали пустой гостиничный двор. Чуть поодаль сверкало огоньками шоссе. Алька затянулась, высунувшись на легкий мартовский ночной морозец. Внезапно она поняла, что ей мешает спать не только жалость к Валерке, хотя жалко его было ужасно. Существовало еще что-то, гнездившееся глубоко в подсознании и лишь сейчас неожиданно выплывшее на поверхность – шаги в коридоре, которые она слышала незадолго до того, как произошла трагедия с Кретовым. Тихие, еле различимые в послерепетиционной тишине гостиничного этажа. Чьи они? Скорее всего, женщины, уж очень мягкие и невесомые. А может, невысокого ловкого мужчины? Странные шаги. То замирающие, то снова слышимые. Кому понадобилось гулять поблизости от номера Крета?

И еще одно. Чего так испугался Кретов на последней репетиции? Ей-богу, он словно предчувствовал, что с ним произойдет несколько часов спустя. Алька была готова поспорить, что в словах Рыбакова Кретов уловил какой-то иной, одному ему понятный смысл. Но какой? Вот чертовщина! Алька выкинула окурок и свернулась клубочком под одеялом. На нее навалился сон – тяжелый, свинцовый, без сновидений.

Четверг тянулся тоскливо и бесконечно. С утра за окном вдруг захлюпала оттепель, по стеклу противно моросило, большой сугроб в конце двора осел и посерел. В комнате почему-то было невероятно темно, и Аля, как встала, зажгла лампочку. Казалось, ночь сразу перешла в вечер, минуя светлое время суток. Неудержимо хотелось спать. Часов в десять забежал Славка, растрепанный, с красными глазами, абсолютно трезвый и злой. Он посидел у девчонок минут сорок, но разговор не клеился. Втроем они сходили в буфет, выпили кофе, пожевали бутерброды и разошлись по номерам.

Оперативники объявились лишь к вечеру. К Але с Леной зашел курносый парень с розовыми, как у младенца, щеками и чуть косящими глазами, которые, впрочем, придавали ему вовсе не уродливый, а очень симпатичный вид. По-северному упирая на «о», он долго и неторопливо расспрашивал, кто где находился вчера в момент смерти Кретьова. Обстоятельно записав все, что услышал, в большой блокнот, опер сочувственно покачал головой:

- Не повезло вам. Как же вы теперь без дирижера?
- Другой придет, – ответила Лена.
- Запасной, что ли? – улыбнулся парень, явно утомленный хождением по номерам. Ему было скучно и хотелось поболтать с симпатичными музыкантками.

– Ага, – насмешливо подтвердила Аля. – Как у футболистов.

Милиционер не обиделся.

– А вот скажите, девчонки, – он поудобней устроился на стуле, – ваши все говорят, эта стычка у Кретьова с Рыбаковым была далеко не первой. Так?

Аля молчала, лихорадочно соображая, как лучше ответить, чтоб еще больше не навредить Валерке.

– Так, – кивнула Лена.

– И раньше Рыбаков ему тоже угрожал?

– Никогда! – горячо выпалила Алька.

– Он сильно поддавал, Рыбаков ваш?

– Да нет. Только в последнее время.

Курносый нравился Альке гораздо больше Лаврова. Ей казалось, он даже сочувствует Валерке. Сказать ему про странные шаги в коридоре? По идее, это должно заинтересовать оперативников.

– Кретьова мог убить и кто-то другой, – как можно тверже произнесла она и тут же поймала на себе два изумленных взгляда – Ленкин и молоденького мента.

– Кто же, если не секрет? – осведомился тот.

– Не знаю, но я слышала, как кто-то ходил перед номером Кретьова, как раз перед самой его смертью.

– И не видели, кто это был?

– Нет. Я спешила к себе. Номер Кретьова не виден за поворотом коридора, а я не стала специально смотреть.

– Какие были шаги?

– Тихие, легкие. Они замирали, а потом слышались снова.

– Что ж вы вчера не сказали об этом оперативной группе? – удивился курносый.

– Я забыла, – призналась Алька. – Когда я их слышала, они не показались мне подозрительными. Ну ходит кто-то и ходит. Разве нельзя?

– Я думаю, в них и нет ничего подозрительного, – улыбнулся розовощекий. – Тем более против Рыбакова такие веские улики. Но я передам начальству ваши слова.

– Спасибо, – обрадовалась Алька. – Я еще хотела спросить. Вам никто из оркестра не рассказывал, как испугался Кретов после слов Рыбакова о расплате?

– Конечно, рассказывали.

– Вам не показалось это удивительным?

– Нет. Что тут удивительного? Рыбаков пригрозил, потом привел свою угрозу в исполнение. Не по злему умыслу, конечно, но, видимо, ваш дирижер предчувствовал, что так может получиться.

Алька промолчала. Ясно, мент думает так же, как остальные. Никто не уловил в поведении дирижера ничего странного. Может, и ей лишь почудилось?

– Ну ладно, – вздохнул парень. – С вами хорошо, но у меня еще целый этаж. Вы на чем играете-то?

– Мы? – с готовностью откликнулась Алька. – На барабанах!

Парень заржал.

– Я б за тобой после дежурства зашел, барабанщица, – весело проговорил он. – Да ведь не пойдешь?

– Не пойду.

– А подружка твоя?

– А подружка – тем более, – ответила Ленка. – Вы идите, а то там наши мальчики заждались. У нас алиби общее.

– Ну барабанщицы! – Парень погрозил девчонкам пальцем и скрылся.

– Слава богу, отвалил, – с облегчением вздохнула Ленка и подавила судорожный зев. – Теперь можно будет домой уехать. Хуже нет, чем целый день в гостинице без дела торчать.

Вечером зашел Чегодаев и объявил, что директор оркестра Глотов взял билеты на Москву на завтра в ночь.

Алька втащила в комнату чемодан, сиротливо томящийся в коридоре, прикрыла дверь и в изнеможении опустилась на тахту. Ну и что? Полный облом, даром только носилась с утра как угорелая. Поезд прибыл на Курский вокзал в семь утра. В восемь Аля уже была дома, оставила чемодан, скрипку, выпила чашку кофе и поехала в следственный изолятор. Убийство Кретьова, естественно, вызвало резонанс не только в музыкальных кругах, но и во всей культурной среде страны. Пресса и телевидение моментально подняли шум по поводу гибели известного дирижера. Вмешалась Генпрокуратура, и Рыбакова, как подозреваемого по особо важному делу, в Москву привезли еще вчера, так что Алька надеялась... Неизвестно на что надеялась! Оперы посмотрели на нее как на сумасшедшую, ни объяснять ей что-либо, ни разговаривать с ней никто и не собирался. Какое уж там свидание с подследственным!

– Вы ему кто? Жена? – сурово поинтересовался пожилой майор, единственный, кого Альке удалось отловить на выходе из следственного изолятора и разжалобить.

– Нет, – помотала она головой, ежась и стуча зубами.

В помещение без пропуска не пускали, и, пока Аля попала на этого сердитого седого мужика, ей пришлось полтора часа простоять на улице. Как назло, в Москве вдруг ударил мороз.

– Невеста? – еще суше спросил седой.

– Нет.

– А кто? Сестра?

– Я с ним работаю.

– Девушка, не морочьте мне голову, – устало произнес майор, отстраняя Альку. – Свидание дается только с родными и близкими. И то далеко не так скоро, как вам бы хотелось. Ясно? – Он внимательно поглядел на понурую, притихшую Алю.

– Ясно, – тихо пробормотала та.

– А раз ясно, то и нечего здесь болтаться под ногами. Домой ступайте. – Седой решительно зашагал к ограде.

Алька кивнула ему в спину, но с места не двинулась, продолжала молча стоять, уставившись себе под ноги. Седой на ходу обернулся, нахмурился и неожиданно остановился.

– Что не идешь? Не веришь мне? Думаешь, кто другой тебе иначе скажет? А ну подойди-ка, – строго приказал он. – Подойди, говорю.

Что-то в его голосе неуловимо изменилось. Аля сразу это почувствовала. Ноги сами зашагали навстречу седому.

– Ну чего ты хочешь? – Тот смотрел утомленно и беззлобно серыми, свинцовыми глазами. – Сидеть будет твой Рыбаков. Лет восемь, не меньше. За непреднамеренное убийство. Улик против него предостаточно, остается дело в суд передать. Там, конечно, учтут смягчающие обстоятельства, они у него имеются, никто не спорит. Все, что мог, сказал тебе. Ес-

ли б еще сознался твой приятель – чистосердечное-то признание... ну это все с детства знают.

– А он не сознался? – робко спросила Аля.

– В том и петрушка. Зря упрямится, хуже только себе делает. – Майор помолчал, закурил и ушел, едва кивнув Але.

...Пронзительно заверещал телефон. Погруженная в невеселые воспоминания, Алька вздрогнула, вскочила, схватила трубку.

– О! Ты дома? – радостно зарокотал в ухо голос Андрея. – Вы ведь должны были послезавтра вернуться!

– А чего ж сегодня звонишь? – улыбнулась Аля.

Сколько прошло времени, а Андрюшка все не меняется, так и бегаёт за ней хвостиком с самого первого курса консерватории. И ведь не надоест ему!

– На всякий случай, – весело объяснил Андрей. – Как чувствовал, что вы раньше вернетесь. Что, концерты сорвались?

– Ой, Андрюш, ты представить себе не можешь, как сорвались, – вздохнула Аля. – Кретов умер.

– Как – умер?!

– Его убили. Кипятильник включили, когда он ванну принимал.

– Кто?

– Флейтист один.

– Обалдеть! Вас небось затаскали, бедных?

– Не без этого.

– Мне приехать, Аль? – нерешительно и мягко спросил

Андрей.

– Нет, Андрюш, не надо. Я только с поезда. Устала как собака, и настроение соответствующее. Завтра, скорее всего, похороны, нам играть целый день, а я две ночи почти не спала.

– Ладно, ладно, я все понял, – сразу согласился Андрей. – Ты, Аль, держись, не бери в голову. Второй-то дирижер у вас где сейчас?

– Горгадзе? В Париже. Ему уже, наверное, сообщили.

– Все будет о'кей. Я завтра позвоню, хорошо?

– Звони.

Разобрав чемодан, Аля отправилась в ванную (слава богу, в Москве в марте не выключают горячую воду) и целый час пролежала в душистой густой пене. Напарившись, она вышла в узкий коридорчик коммуналки, где висело огромное, в рост, зеркало в потрескавшейся гипсовой раме. Большое махровое полотенце скользнуло к ногам, Алька распрямила плечи и улыбнулась своему отражению. Ну что ему еще нужно было, этому Валерке? Чем она хуже его сбежавшей жены? Ничем! Даже лучше. И ноги от шеи, и талию можно ладонями обхватить. Правда, Верка – блондинка, а у Альки волосы черные, как у цыганки. И глаза темные. Все парни от этого балдеют. А! Алька в сердцах махнула рукой и, не поднимая полотенца, нагишом прошлепала в кухню. Сзади со скрипом приоткрылась дверь, и, обернувшись, она увидела вытянувшееся крысиное лицо соседки Элеоноры Ивановны.

Та окинула голую Альку диким взглядом, что-то прошипела и юркнула обратно в свою комнату. Алька зло и весело рассмеялась. Поделом старой ведьме, теперь ни за что не появится на кухне, пока Алька не уйдет. Ну и хорошо, можно будет спокойно перекусить. Она вспомнила, как встретила ее соседка полгода назад, когда Аля только купила эту комнату. Точно лютого врага. А ведь Аля думала, будет у них добрая дружба, такая как с тетей Машей и тетей Таней в ее родительской квартире в Воронеже. Но Москва не Воронеж, теперь Алька хорошо это понимала. Недаром говорят: Москва слезам не верит.

Алька включила чайник, выложила на сковородку замороженную овощную смесь и уселась у окна в ожидании. Тут же позвонил Чегодаев:

– Значит, так. До следующего четверга не работаем. В среду приезжает Горгадзе, с ним будем репетировать к Испании. Теперь насчет завтра.

– Похороны?

– Да. В десять собираемся в филармонии, без опозданий. Рассчитывай часа на четыре, народу будет уйма. Соловьевой позвонишь?

– Конечно.

– Хорошо, а то у меня язык уже заплетается. После панихиды – на кладбище. Освободимся, я думаю, в пять-шесть. – Чегодаев перевел дух и убрал из тона официальность: – Что ты делаешь потом?

– Не знаю, – честно ответила Алька.

– Ну давай ко мне. Я на машине буду, доберемся в момент.

Васька Чегодаев жил в Бутове, и ехать городским транспортом к нему было не меньше полутора часов.

– А обратно отвезешь? – деловито осведомилась Аля.

– Обратно не обещаю. Хватит с тебя и одного конца.

Алька открыла было рот, но заставила себя сдержаться. Ваське лучше не хамить, он потом это припомнит обязательно.

– Так как, заметано? – уточнил Чегодаев.

– Там посмотрим, – сухо сказала Алька. В конце концов, ее испытательный срок давно прошел, и никто ее просто так из оркестра не выставит. А Васька пусть обождет, ишь, тоже нашел себе девочку по вызову!

– Вот так, значит, неопределенно? – холодно усмехнулся Чегодаев. – Ну ладно, смотри. И Соловьевой не забудь позвонить.

– Не забуду.

Чайник давно вскипел, овощи поджарились. Алька наполнила тарелку, сделала чашку растворимого кофе и приступила к обеду, который по совместительству являлся для нее и завтраком. Машинально тыкая вилкой в тарелку, она думала о том, что и впрямь от судьбы не уйдешь. Значит, Рыбакову суждено сидеть за убийство Кретьова, а ей, Альке, ехать в Бутово к Чегодаеву, и нечего загружаться на этот счет.

Внезапно она вскочила с места. Нет, черт возьми! При

чем здесь судьба? Кто сказал, что Валерка будет сидеть? Да все говорят. А почему? Потому что уверены: Кретова убил именно он. Но ведь сам Валерка не признался в убийстве. Почему она, Аля, должна верить всем и не верить ему? А вдруг Рыбаков говорит правду и Кретова убил кто-то другой, не Валерка? Эта мысль посетила ее еще во Владимире. Тот, кто бесшумно, крадучись, ходил по коридору, зашел в номер дирижера раньше Рыбакова и включил кипятильник. Чушь? Нет, не чушь. Но как же тогда крик Кретова про флейту?

Алька со злостью шлепнула ладонью по столу. Прохоров слышал, как кричал Кретов, это неоспоримое доказательство. Против логики не попрешь. Нет, стоп! А если она возьмет и попрет! Будет считать, что крика не было, он Прохорову почудился, а отпечатки на вилке Рыбаков оставил, когда вынимал ее. Что тогда?

Ответ показался простым как трава: надо искать настоящего убийцу. Но легко сказать! Чегодаев вчера поделился, что у оркестрантов надежное алиби: все сидели по своим номерам, в крайнем случае были в гостях друг у друга. Персонал гостиницы тоже проверили. Кто же это мог быть? Кто-то случайный? Но зачем ему убивать московского дирижера? И как убийца мог узнать, что Кретов грел ванну кипятильником? Нет, получается полная чепуха.

Алька, забыв про еду, пронеслась к себе в комнату, поспешно натянула старенькие джинсы, футболку. С чего на-

чать, с какого конца? Она лихорадочно пыталась вспомнить содержание детективов, в превеликом множестве прочитанных с подросткового возраста. С чего начинают расследование все знаменитые сыщики из романов и фильмов? Кажется, собирают сведения об убитом. Вот именно, стараются узнать о нем как можно больше. А что она знает о погибшем Павле Тимофеевиче Кретове? Заслуженный артист России, руководит Московским муниципальным оркестром пятнадцать лет. Сколько ему? Вроде около шестидесяти или больше. Еще Алька точно помнит, что Кретов разведен, об этом ей говорил Чегодаев. Все. Больше ничего не известно. Ни где он жил, ни с кем, ни номер телефона. Кретов разрешал звонить ему только избранным: Глову, Чегодаеву, Сухаревской, еще некоторым оркестрантам, которые работали с ним давно, почти с самого его прихода на должность главного дирижера. Аля решительно набрала Васькин номер. В ухо ей ударили короткие гудки, очевидно, тот продолжал обзванивать оркестр. Что и говорить, работа у него нервная и характер вырабатывает соответствующий, железный: палец в рот не клади. Алька терпеливо накручивала диск, раз за разом, пока не дозвонилась и не услышала усталый, недовольный голос.

– Вась, это я, – вкрадчиво начала Алька.

– Чего? – коротко и сердито спросил Чегодаев. – Заболеть не удастся. Всем быть – хоть чучелом, хоть тушкой. И не пытайся меня разжалобить.

– Да я не за этим, Вась. Поедем завтра, если ты еще не передумал.

– Не передумал, – сразу смягчился тот. – А чего это ты вдруг?

– Да просто, – засмеялась Алька. – Подумала и решила.

– Ну молодец, – похвалил Чегодаев. – Гуд бай давай, а то я еще не всем сообщил о панихиде.

– Гуд бай.

Ну вот, завтра Аля узнает все, что ее интересует. Так и быть, доберется она из Бутова на метро, не убудет с нее.

Гражданская панихида началась ровно в десять. Выступающие сменяли друг друга, их было, как показалось Але, бесчисленное множество. «...Тяжелая утрата... огромная невосполнимая потеря... трагическая случайность унесла из жизни величайшего музыканта...» Слова ораторов постепенно смешивались у нее в голове, а оркестр все играл и играл, провожая со сцены одного и встречая другого. Наконец в одиннадцать открыли доступ к телу Кретова, и потянулась бесконечная толпа желающих проститься с одним из крупнейших музыкантов и дирижеров последнего двадцатилетия. Шли официальные лица из Союза музыкальных деятелей, представители городской власти, друзья, коллеги и просто почитатели кретовского таланта. У гроба дирижера молча и неподвижно, словно изваяния, стояли две пожилые женщины в черном, одна – бывшая жена Павла Тимофеевича, другая – его сестра. Детей у Кретова не было.

К четырем часам, после кладбища, музыканты еле стояли на ногах. Аля закинула скрипку на заднее сиденье чегодаевской «десятки», бухнулась с ним рядом, стянула перчатки с онемевших рук и принялась яростно тереть пальцы.

– Замерзла? – сочувственно спросил Чегодаев. – Сейчас печку включу, согреешься.

– Просто руки отсохли играть, – призналась Аля. – Для

меня это первая панихида. Невольно вспомнишь добрым словом кретовские репетиции.

– Не бойсь, – философски заметил Васька, – все еще впереди. Когда-то и я играл на первой панихиде, только давно это было.

– Типун тебе на язык, – суеверно пробормотала она и перекрестилась.

Машина весело неслась по Кольцевой дороге, в салоне стало тепло, и Алька начала было клевать носом, но тут показалось Северное Бутово – новенькое, краснокирпичное, с причудливыми остроконечными крышами, огромными супермаркетами и красочными, нарядными рекламными щитами. Васька проехал мимо всего этого великолепия к более скромному кварталу и остановился около панельной семнадцатietàжки.

Сорокалетний Чегодаев был трубачом, и весьма крепким. Помимо своего основного места работы – Московского муниципального оркестра, которому он отдал без малого тринадцать лет жизни, – Васька подвизался еще в нескольких ансамблях и время от времени делал записи на компакт-диски. Трехкомнатную квартиру в Бутове он купил меньше года назад, оставив при разводе прежнюю жилплощадь жене и ребенку, и новая просторная стояла пока полупустая. Полностью обставлены были лишь спальня и широкая светлая кухня, где красовался шикарный испанский гарнитур.

Васька пошел в душ, а Аля тем временем разложила на кухонном столе купленные по дороге продукты: курицу гриль, киви, пирожные, бутылку водки – и принялась нарезать помидоры для салата. На кухне царили чистота и уют – аккуратный и педантичный Чегодаев придирчиво следил за порядком не только в оркестре, но и в своем холостяцком доме. Альке нравилось хозяйничать у Васьки, иногда она даже мечтала, что неплохо было бы перебраться сюда совсем, в качестве молодой жены. Однако мечты эти не носили конкретный характер, да и Васька отнюдь не спешил делать предложение. Он был щедр, внимателен, опекал ее в новом коллективе, но и только. К его чести сказать, ее свободу он никак не связывал и ни к кому не ревновал. Алька закончила с салатом, переложила его в большую полосатую миску, поставила приборы, рюмки и оглядела стол, любуясь своей работой. В дверях ванной показался посвежевший, довольный Чегодаев. Густые, темные волосы красиво блестели, на сильных, мускулистых руках перекачивались бицепсы. Аля с невольным уважением окинула взглядом его безупречную фигуру. Они с аппетитом уничтожили еду, которая под водку шла отменно, тем более что оба завтракали в половине девятого утра, а сейчас было уже шесть. Наевшийся, разомлевший Васька с ласковой снисходительностью поглядывал на Альку, уплетавшую киви.

– Ну иди сюда, котенок. – Он протянул руки, взяв ее к себе на колени. – Соскучился я по тебе со всей этой чертовщиной.

Васька принес девушку в спальню, уложил на широкую кровать, откинув покрывало, и принялся раздевать. Делал он это не спеша, с толком, и от его мягких, но одновременно властных прикосновений Алька заводилась все больше и больше. С последней снятой вещью она была уже готова, и Васька налег на нее всей тяжестью. Алька видела: он старается для нее, и сама честно выкладывалась изо всех сил. Но почему-то в решающий момент перед глазами у нее вдруг всплыло чуть насмешливое Валеркино лицо. Это сломало ей весь кайф, и как она ни пыталась прогнать непрошеное видение, оно продолжало преследовать ее.

Васька закурил, подозрительно покосился на Альку:

– Устала, что ли?

– Есть немножко, – виновато пробормотала она, проклиная себя за слюнтяйство и больше всего опасаясь, что Чегодаев рассердится и визит к нему окажется напрасным.

– А в гостинице не устаешь из койки в койку прыгать, – обиженно бросил он.

Алька почувствовала, как в голову ей ударила жаркая волна гнева. Вот гнида! Да как он смеет с ней так!

– Не твое дело! – Она вскочила и стала лихорадочно натягивать на себя одежду. Губы ее дрожали от обиды на Чегодаева, а заодно и на Валерку, словно тот был не в тюрьме, а нарочно явился побеспокоить Альку.

Васька молча курил, спокойно глядя на ее суету. Та резко рванула «молнию» на юбке, глаза мрачно сверкнули.

– Класс, – произнес Чегодаев. – Люблю, когда ты злишься, ни дать ни взять, разъяренная кошка. Аж глаза светятся.

– Пошел ты! – Алька дернулась к двери спальни, но Васька поймал ее за руку и крепко сжал.

– погоди, не гони волну. Сядь. – Он с силой потянул ее руку. – Сядь, кому говорят!

Алька нехотя уселась рядом с Чегодаевым.

– Нравишься ты мне, Алина, – раздувая ноздри, пробормотал Васька. – Ох нравишься. Характер только скверный, но по мне – лучше такой, чем никакой, ни рыба ни мясо. Ну, мир?

Не дожидаясь ответа, он опрокинул Альку навзничь, распластывая на цветастой крахмальной простыне.

Завершал мобильник, лежащий на тумбочке. Алька, проклиная всех любителей звонить Чегодаеву в пять утра, поспешно протянула руку и отключила телефон. Потом осторожно выбралась из-под одеяла. Васька во сне что-то недовольно пробормотал и отвернулся к стенке. Алька, тихо ступая по пушистому ковру, стянула со стула свои вещи и крадучись вышла из спальни.

Где Чегодаев может хранить адреса и телефоны оркестрантов? Алька юркнула в прихожую, торопливо обшарила карманы Васькиной кожаной куртки, вытащила толстую записную книжку. Боясь зажигать свет в коридоре, прошлепала на кухню, уселась за стол, открыла страницу на букву «К». Список телефонов оказался внушительным, но номера Кретова среди них не было. Немудрено – Васька знает Павла Тимофеевича так давно, что наверняка и адрес его, и телефон выучил наизусть. Как же найти то, за чем она сюда приехала? Поискать старые записные книжки, десяти-пятнадцатилетней давности, если только Васька забрал их с собой на новую квартиру? Сама Алька никогда не хранит бумажный хлам, но Васька – дело другое, он человек практичный и предусмотрительный. В полупустой квартире с минимумом мебели документы спрятать не так уж легко. Надо попробовать найти их.

Алька снова вышла в коридор, аккуратно засунула записную книжку обратно в куртку. На цыпочках приблизилась к двери спальни, прислушалась. Не дай бог, Чегодаев проснется и увидит, чем она здесь занята. Пожалуй, он догадается, для чего ей нужны координаты покойного дирижера. Ничего не скажешь, Валерку он здорово утопил, по полной программе. Не передал бы ментам слова Рыбакова о том, что Кретову «даром не пройдут» все его фокусы, может, те и не были бы так убеждены в Валеркиной виновности. И чего ему, Ваське, было так из кожи лезть, правду-матку резать? Крета пожалел, что ли? Они с ним в теплых отношениях были, Чегодаев в любимчиках ходил у Павла Тимофеевича.

Алька бесшумно двинулась в большую комнату, в которой мебели было меньше всего, лишь широкий коричневый диван и старый секретер, перевезенный, видимо, с прежней квартиры. Она потянула за ручку и плавно выдвинула верхний ящик. Он был почти пуст, если не считать стопки объяснительных записок от опоздавших оркестрантов, аккуратно подколотых скрепкой, и зарядного устройства для сотового телефона. Алька, не теряя хладнокровия, заглянула во второй ящик, затем в третий. Там тоже не оказалось ничего интересного, за исключением нескольких сборников нот, пары старых, но дорогих кожаных бумажников и довольно толстой пачки долларов, перехваченной резинкой.

Алька задвинула ящики назад, уселась на диван и задумалась. Видимо, старых книжек в Васькиной квартире нет,

вряд ли он будет хранить их в третьей, последней комнате, где она еще не побывала. Там Чегодаев занимается на своей трубе и наверняка, кроме нот, ничего не держит. Однако убедиться в этом все же стоило.

Алька зашла в небольшую комнату, расположенную справа по коридору, действительно заваленную нотами и заставленную полками с аудиокассетами и компакт-дисками. Это была настоящая студия: Васька специально нанимал мастеров, чтобы те сделали в комнате звукоизоляцию, так что играть теперь можно даже ночью, не опасаясь гнева соседей. Здесь же находился музыкальный центр и электрическая клавинола-синтезатор – Алькина голубая, но несбыточная, по причине лютой дороговизны, мечта.

Она с невольной завистью оглядела Васькино богатство. Нет, конечно, тут искать бесполезно. Придется что-нибудь наплести Чегодаеву, чтобы тот снабдил ее адресом Кретьова. Но в успехе Аллька уверена не была – обмануть Ваську ей практически никогда не удавалось, он всегда видел ее насквозь.

За открытой дверью слышались шаги. Аллька вздрогнула и обернулась. На пороге стоял хозяин квартиры, лицо у него было сонным и удивленным.

– Ты чего тут делаешь? – недовольно поинтересовался Васька. – Не спится в половине шестого?

– Смотрю на твою клавинолу. – Аллька кивнула на стоящее в углу чудо техники.

– Чего смотреть-то? – резонно заметил Васька. – Села бы поиграла. Самое время сейчас.

Он зевнул и кинул на Альку выразительный взгляд. Тут только она вспомнила, что так и ходит по дому полуодетая – в джемпере, колготках и без тапочек.

– Пойдем кофе попьем, – предложил Чегодаев. Он, кажется, не злился и ни в чем Альку не заподозрил.

– Пойдем, – согласилась она, скрывая досаду.

Через пару минут Васька совсем проснулся и насмешливо наблюдал, как девушка, с трудом сдерживая зевоту, управляется с кофемолкой.

– И чего вскочила? – миролюбиво проговорил он. – Ведь на ходу спишь. Сядь, я сам, нет сил на тебя смотреть, жалость берет.

Алька послушно уселась за стол. Чегодаев ловко орудовал у плиты, и она поражалась, как ему удастся оставаться таким бодрым после четырех часов сна. Сама она сию минуту завалилась бы в кровать, если бы не цель, которую она себе поставила. Пока Алька ожидала кофе в Васькином исполнении, у нее в голове внезапно созрел блестящий план. Конечно, она не была уверена, что ей повезет, но попытаться стоило.

– Вась, – позвала Алька.

– Ну, – откликнулся тот, доставая чашки.

– Мне позарез нужен телефон одной девицы. Она у Крета работала года два назад. Костикова Инна.

– Альтистка?

– Точно, – обрадовалась Алька. – Дашь номерок?

Инка Костикова когда-то была ее соседкой по общежитию. Алька училась тогда на первом курсе, а Инка была дипломницей и подрабатывала в Московском муниципальном оркестре. Долго она там не продержалась, ушла еще до той поры, как Алька окончила консерваторию и устроилась в оркестр. И теперь расчет был предельно прост: если Чегодаев согласится найти для нее телефон Костиковой, он полезет за ним в старые записные книжки. Даже если не повезет с первого раза и на страничке на букву «К» не окажется телефона или адреса Кретова, то, по крайней мере, Алька увидит, где Васька хранит их. Тогда нужно будет дождаться другого раза, чтобы поискать координаты Кретова.

– Она давно у нас не работает, – задумчиво проговорил Васька. – Это надо в старых записях рыться. Тебе очень нужно?

– Очень! – Алька проникновенно заглянула ему в глаза. – Понимаешь, я с ней когда-то дуэты Моцарта играла. Ноты мои у нее остались. Я уж и в общагу звонила, и девчонкам нашим, но никто не знает, как ее разыскать. А тут мне вдруг в голову пришло, что у тебя-то наверняка она есть в оркестровом банке данных.

– Что, прямо сейчас осенило? В шесть утра? – скептически произнес Васька.

Алька засмеялась и кивнула.

– Ну ладно, – неожиданно легко согласился Чегодаев, ставя перед ней большую кружку дымящегося кофе. – Только кофе выпью.

«Значит, они все же здесь, эти книжки», – торжествующе подумала Алька, стараясь не выдать своей радости.

Васька пил кофе так долго, что Алька совсем потеряла терпение. Наконец он вылез из-за стола и направился напрямик в спальню. Достал с верхней полки шкафа небольшую коробку из-под обуви, доверху набитую блокнотами.

– Костикова? – переспросил Чегодаев, что-то прикинул в уме, потом выудил из коробки несколько книжек по одному ему ведомому принципу, быстро пролистал и сунул одну из них ей: – Кажется, здесь. Глянь на «К».

Алька поспешно схватила книжку, открыла нужную страницу. Увы! Инка Костикова была, и с адресом, и с домашним телефоном, а вот Павла Тимофеевича Кретова не имелось.

Она прилежно изобразила на лице радость.

– Есть? – уточнил Васька. – Оторви листок, перепиши себе. А книжку давай сюда, она мне еще пригодится. – Он взял с тумбочки ручку, блокнот и протянул их Альке.

Той ничего не осталось, как скопировать телефон Костиковой, которая была нужна ей как собаке пятая нога.

В это время снова зазвонил мобильник.

– Слушаю. – Васька взял трубку. – Не разбудил. Нет. По-годи, я сейчас. – Он быстро вышел из спальни, закрыв за собой дверь.

Алька поглядела ему вслед, секунду поколебалась и бросилась к коробке. Лихорадочно перебрала потрепанные, распухшие книжки, схватила наугад одну, самую толстую.

Есть! В самом верху страницы мелким каллиграфическим почерком были записаны номер телефона и адрес Кретова. Но это еще не все. Строчкой ниже Алька прочла: «Кретова (Вертухова) Зинаида Ильинична». Это была неслыханная удача. Кретовский адрес можно было, на худой конец, добыть и в адресном столе, а вот координаты бывшей жены Павла Тимофеевича Алька никогда бы не разузнала, потому что понятия не имела, как ее зовут и какая у нее фамилия. За дверью Васька громко засмеялся в трубку. Алька вздрогнула, схватила карандаш и списала адреса. Сунула листок в сумочку, стоявшую на стуле у кровати, облегченно выдохнула – Васька все разговаривал с каким-то любителем утренних звонков, и Алька окончательно осмелела. Снова заглянула в книжку, так и раскрытую на букве «К», и тут увидела то, что не заметила вначале, торопясь переписать нужные адреса. Внизу страницы, наискосок, прямо поверх номеров было крупно и жирно, с нажимом, выведено: «Саврасенков». Почерк был Васькин, но какой-то неровный. После фамилии стоял вопросительный знак. Телефона рядом не было. Алька удивленно посмотрела на испорченную страницу. Что, интересно, заставило Ваську сделать эту странную запись? И что она может означать? Девушка перевернула страницу, и ее удивление возросло. Там, на следующей странице, фамилия

«Саврасенков» была написана еще три раза, но уже без вопросительного знака. И дальше, точно так же крупно и размашисто, значилось четыре раза «Омелевский».

Дверь приоткрылась.

— Ну бывай. — Васька боком вошел в спальню. — Увидимся на неделе. Я пока свободен.

Алька бросила записную книжку в коробку и, сев на кровать, стала сосредоточенно рыться в сумочке. Чегодаев отключил телефон и усмехнулся:

— Никому сегодня не спится. Выходной называется!

Он взял коробку и спрятал ее обратно в шкаф.

Домой Аля попала лишь к десяти часам. Васька, расчувствовавшись, подбросил ее на машине до самого метро. От недосыпа Альку покачивало, настроение было хуже некуда.

Она пыталась разгадать, для чего Ваське понадобилось портить записную книжку, бесцельно и многократно делая в ней одну и ту же запись. Фамилии «Саврасенков» и «Омелевский» были ей знакомы. Петя Саврасенков – скрипач, а Ваня Омелевский – альтист, оба раньше работали у Кретьова и ушли из Московского муниципального оркестра, один полгода, другой – несколько месяцев назад.

Почему имена этих людей попали именно на ту страницу? Связано это как-то с покойным дирижером или запись сделана случайно? О чем думал Васька, когда раз за разом выписывал фамилии струнников?

Алька понимала, что ответить на эти вопросы ей может лишь один человек – сам Чегодаев. Но на это рассчитывать не приходилось. О том, что разговаривать с Васькой о Кретьове и Валерке бесполезно, она поняла час назад, покидая чегодаевскую квартиру. Перед уходом Алька, видя хорошее Васькино настроение, попробовала завести с ним разговор о странном поведении Павла Тимофеевича и своих сомнениях в том, что его убил Рыбаков. Васька тут же взвился, от его благодушия не осталось и следа, и обсуждать эту «идиот-

скую», по его выражению, тему он категорически отказался.

Причин этому могло быть две. Первая, и более вероятная, — его личная неприязнь к Валерке. Тот достал Ваську своими вечными опозданиями и потерей нот, а кроме того, ругался с Чегодаевым по поводу штрихов и оттенков, абсолютно невзирая на его инспекторский чин.

Вторая причина казалась Альке маловероятной, но тем не менее сбрасывать ее со счетов нельзя. Васька мог знать что-то о Кретове, связанное с ушедшими из оркестра струнниками, и ему не хотелось, чтобы это выплыло наружу. Поэтому он был рад подвернувшейся возможности списать все произошедшее на Рыбакова.

Так или иначе, от Чегодаева Альке ничего больше не узнать. Ну и ладно! Теперь можно заняться Кретовым.

Полтора часа сна ее освежили, и к полудню Алька уже сидела в маленькой уютной Ленкиной квартире, удобно развалившись в стареньком кресле с деревянными подлокотниками. Бывать у Ленки Алька обожала — здесь она ощущала необычайный покой и комфорт. Тут все напоминало родительскую квартиру, в которой прошло ее детство и которую она покинула шесть лет назад, восемнадцатилетней девчонкой. С тех пор ее помотало изрядно: сначала жила в общежитии, потом по съемным комнатам и только в прошлом году наконец обрела свой угол, да и тот крошечный, почти пустой, со злобной Элеонорой Ивановной за соседней дверью.

А в Ленкиной небольшой комнатухе с веселыми голубы-

ми обоями так замечательно было болтать вечерами и даже ночи напролет. Тихо поскрипывал клетчатый, чуть потертый диван, таинственно поблескивало в углу старинное пианино, черное, тяжелое, с канделябрами. На секретере сидели две большие куклы, Маша и Наташа. Маша была без глаза, а у Наташи заметно поредели волосы, но Ленка их не убирала, и иногда, особенно в сумерках, Альке казалось, что Маша подмигивает ей уцелевшим глазом: что, мол, подруга, идут дела-то? Алька потихоньку подмигивала ей в ответ: дескать, ничего, дела идут, все хоккей! Однако сегодня Алька на кукол не обращала внимания – слишком серьезным был повод, по которому она явилась сюда. Ленка была единственным человеком, которому Алька решила доверить свой тайный план, потому что в одиночку ей с таким делом просто не справиться.

Подруга слушала молча, не перебивая, иногда чуть наклоняя голову в знак согласия, изредка вопросительно поднимая брови, но ничего не говоря. Наконец Алька умолкла и перевела дух.

– Ну что скажешь? – с надеждой поинтересовалась она.

– Скажу, что ты чокнулась. – Ленка поудобней устроилась на диване напротив Али, закинула ногу на ногу. – Где ты собираешься искать неведомого убийцу? Хотя примерно представляешь, что это такое? Все равно как найти иголку в стоге сена. И вообще, это же чертовщина! Ясно, что кипятильник включил Рыбаков, кого мы будем разыскивать?

– Мне неясно! – отрезала Алька.

– Значит, тебе нужно к психиатру, – спокойно констатировала Ленка.

– Но ведь я тебе все объяснила – только что, – в отчаянии проговорила Алька. – Если человек не признался...

– Из этого совсем не следует, что он не убивал! Мало ли, сколько преступников не сознаются в своих преступлениях, – что ж, всем верить, когда есть неоспоримые доказательства?

– Валерка не преступник!

– Аль, у тебя просто поехала крыша на почве того, что он отказался тебя трахнуть! Ты теперь из-за этого готова из него святого сделать. А он обыкновенный, поверь мне. Я-то его четвертый год знаю: каким он был и каким стал. Копчевский правильно сказал – пить меньше надо, тогда и кипятильники включать не захочется. Ну чего надулась?

Алька сидела, сощутив глаза и закусив нижнюю губу – так она делала всегда, когда собиралась идти наперекор всему, даже здравому смыслу.

Ленка, прекрасно знавшая свою неугомонную подругу, улыбнулась:

– Черта лысого я тебе доказала, да?

– Угу.

– Вот горе мое! – Ленка насмешливо покачала головой. – Ладно, так и быть.

– Что? – Алька быстро выпрямилась в кресле.

– Будем вместе искать виртуального убийцу. Вот только вопрос: где? Может, он во Владимире остался, а мы будем Москву-матушку перепахивать?

– Лен, ты прелесть! – Алька повисла у приятельницы на шее.

– Смотри не задуши. Выкладывай лучше, с чего ты собираешься начать, мисс Шерлок Холмс.

– С дома, где жил Кретов. Адресом Васька меня снабдил, остается пойти побеседовать с соседями – хоть какую-то исходную информацию добудем.

– Так и станут с тобой соседи разговаривать, – усмехнулась Ленка.

– Да почему? Ведь они должны знать про Кретова – как жил, кого к себе пускал...

– Удивляюсь я тебе, Алина, – перебила Ленка. – Кажется, не первый год, как уехала из своего Воронежа, а все не привыкнешь. Тут Москва, а не деревня, где все про всех знают. В многоэтажках люди годами живут и не ведают, как зовут соседа за стенкой. Утром – на работу, вечером – с работы и на боковую, общаться некогда. Так что, боюсь, твои надежды не оправдаются.

– Я все же попробую, – твердо сказала Аля.

– Когда ты хочешь туда пойти?

– Завтра.

– Завтра? – Ленка задумалась, что-то прикидывая в уме, и огорченно развела руками. – Завтра я не могу. Должна быть

в одном месте позарез. Это насчет мамы.

Алька сникла. А она так надеялась, что завтра уже что-нибудь удастся выяснить. Каждый день дорог – след настоящего убийцы теряется все больше. Не говоря о том, что такое лишний тюремный день для невинного человека. Но об этом она думать не будет! Ясно одно – придется идти самой, потому что у Ленки действительно серьезные обстоятельства: тетя Шура, ее мать, серьезно больна, может быть даже неизлечимо. Ленка мотается по врачам, ездит с матерью на консультации, и грех Альке требовать от подруги, чтобы та непременно освободилась по первому требованию.

– Не бери в голову, Лен, – сказала Алька. – Я справлюсь сама.

– Может, послезавтра?

– Нет. Я уже настроилась. Не стоит расхолаживаться. Я чувствую, что мне должно повезти.

– Ну-ну. Позвонишь вечером, расскажешь, как тебе повезло. – Лена поднялась с дивана. – Пойдем обедать. Мама из больницы приходила, суп грибной сварила и котлет нажарила, объедение! С нашей работой забудешь, когда последний раз дома ела. Знаешь, не верится, что до четверга скрипку в руки брать не надо, а то я к ней приросла за время панихиды.

Оттого что насчет завтрашнего дня все определилось и от Ленкиной принципиальной поддержки на душе у Альки стало легко и спокойно. Она с удовольствием угостилась тети-Шуриной стряпней, а затем они с Ленкой вновь ушли в

комнату – пить кофе. На сытый желудок Альке захотелось чего-нибудь высокого, и она предложила:

– Слушай, Лен, давай я тебе Лунную сонату сыграю!

– На фоно?

– Ну не на скрипке же, – захохотала Алька.

– А ты умеешь? – недоверчиво покосилась на нее Ленка.

– Ха, – самодовольно произнесла Алька. – Я, между прочим, на курсе по общему фортепьяно лучшая была, вот так! Мне иногда так поиграть хочется, а инструмента-то нет.

– Я б тебе свой с удовольствием отдала, а то стоит пылится, сто лет к нему не подходила и еще сто не подойду.

– Давай, – грустно улыбнулась Алька. – Я его в комнату поставлю, все мебель какая-то будет. И Элеоноре играть стану, когда она особо злая. Что-нибудь очень громкое.

Алька уселась за высокий инструмент, осторожно откинула крышку. Взгляду ее предстали пожелтевшие от времени клавиши.

– Ух ты! – Она даже зажмурилась от восхищения. – Настоящая слоновая кость! И не стыдно тебе – такое чудо стоит заброшенным. Ты б хоть пыль с него вытирала. – Алька провела пальцем по клавиатуре, оставляя светлую дорожку.

– Оно расстроено, наверное, – предположила Лена.

– Сейчас проверим. – Аля положила руки на клавиши, на секунду задумалась и заиграла начало Лунной сонаты.

Инструмент звучал красиво и жалобно, чуть подхрипывая, но в общем чисто. Лишь одна нота в самой середине

оказалась на целый тон ниже положенного.

– Сейчас я ее. – Аля потянулась к крышке.

– Ты что? – Лена вскочила, поспешно подошла.

– Ре фальшивит. Давай открою деку и исправлю – я умею, сама дома настраивала.

– Да брось. – Ленка мягко, но настойчиво отвела ее руку. – Оно такое старое, и настройщик здесь не появлялся с тех пор, как я окончила школу. Там и грязи небось полно, охота руки пачкать. Пойдем лучше, сейчас «Лолита» набоковская по телевизору будет. Я давно хотела посмотреть. Потом сыграешь.

Алька нехотя вылезла из-за пианино и побрела за Ленкой в большую комнату. Честно говоря, фильм смотреть у нее не было желания, но возвращаться – еще хуже: сидение в пустой комнате навевало на нее тоску. Однако картина постепенно ее захватила, она и не заметила, как пролетело три часа, и опомнилась, лишь когда по экрану поползли титры.

– Ничего, – сказала она. – Мужик классно играет, а девочка так себе.

– Доминик Суэйн, – задумчиво проговорила Ленка. Лицо ее было сосредоточенным и непривычно мрачным.

– Чего? – переспросила Алька.

– Актрису зовут Доминик Суэйн. Ее выбрали из сотни других претенденток, а тебе не понравилось.

– А-а, – равнодушно протянула Алька. – Понятно.

– Ничего тебе не понятно, – неожиданно резко произнесла

Ленка и встала.

Альке почему-то показалось, что говорит она вовсе не об актрисе.

Кретовский дом оказался четырнадцатизэтажной башней нежно-оранжевого цвета. Находился он на «Речном вокзале», и Альке пришлось добираться больше часа со своей улицы Подбельского. Вокруг простирался обширный парк с еще покрытыми льдом прудами, и она подумала, как хорошо здесь, должно быть, летом, когда деревья одеваются листвой и в их тени можно плавать и загорать, не уходя далеко от дома.

Дом явно был элитным: во дворе стояли дорогие машины, перед подъездом разбита площадка для отдыха, со скамейками, беседкой и детскими спортивными снарядами. Вокруг беседки пока пустовали огромные, аккуратно обнесенные кирпичными треугольниками клумбы. Альке тут же вспомнился ее дворик, в котором по весне ноги утопали в глинистой грязи, с одной-единственной лавочкой, сбитой из ящиков, где с утра до вечера сидели подруги Элеоноры Ивановны и перемывали кости жильцам. Ничего не поделать, каждому свое, может, когда-нибудь и она переедет в такое же уютное здание с ухоженным, чистеньким двором, а пока ей и так здорово подфартило. В подъезде была сооружена стеклянная будка, в которой сидел пожилой бородатый консьерж. Увидев Алю, бородач высунулся в окошечко и поинтересовался, к кому она направляется. Узнав, что Аля ни к кому не при-

глашена, вахтер пускать ее наотрез отказался.

– Вы смеетесь? – возмутился вахтер. – Мне люди платят, чтобы я их покой охранял, а я позволю невесть кому по квартирам шастать. У вас на лице не написано, кто такая. Может, наводчица али, еще чище, воровка. Тут жильцы солидные, серьезные, есть чем поживиться. Ступайте давайте, а то мигом милицию позову, у меня кнопка в будке – прямая связь с отделением.

Алька, опешившая от встретившейся на ровном месте преграды, чуть было не выложила бородатому старикану все, что о нем думает. Однако вовремя спохватилась, вспомнив Ленкины слова.

– Зря вы так, – как можно равнодушной начала она, демонстративно роясь в сумочке и вытаскивая оттуда блокнот и ручку. – Это же обыкновенный социологический опрос. Сейчас такие на каждом шагу проводят. Даже по телефону людям звонят, чтобы узнать, какими зубными щетками они пользуются, что читают и в каких магазинах покупают продукты. Я же не виновата, что у меня такая работа. Мне за нее деньги платят, как вам за то, что вы дом охраняете.

Бородатый недоверчиво оглядел Альку, пожевал губами, что-то прикидывая в уме, и проговорил весьма недружелюбно:

– Ладно. Только, если что, глядите – я ваши приметы запомнил. В два счета найдут! Документ-то есть какой-нибудь?

Алька протянула деду филармоническое удостоверение. Тот взглянул на красную книжечку, взял ее в руки, раскрыл. Долго изучал Алькину фотографию, сверяя ее с оригиналом, и наконец засунул удостоверение в ящик стола.

– Отдам, как выйдете, – заявил он.

Алька прошла мимо бдительного деда в лифт и поднялась на десятый этаж, где находилась квартира Кретова. Позвонила в нее на всякий случай. Дверь, конечно, никто не открыл. Алька минуты две побродила по лестничной площадке, вживаясь в придуманный образ, потом изобразила на лице очаровательную улыбку и принялась звонить в остальные квартиры на этаже.

Повезло лишь с третьей попытки. В квартире, находящейся слева от Кретовской, на звонок никто не открыл – хозяев, видно, не было дома. Дверь другой широко распахнулась, и на пороге возникла высокая, суровая старуха в очках, чем-то похожая на Элеонору Ивановну. Услышав про социологический опрос, она решительно покачала головой:

– Нет, милая! Не буду я с тобой разговаривать, – и так же решительно хлопнула дверь у Альки перед носом.

Девушка нажала на кнопку звонка третьей квартиры. За дверью послышались шаркающие шаги, и перед Алькой появился сухонький, седоватый старичок. Он глядел на нее приветливо и с любопытством.

– Здравствуйте, – ангельским голосом проговорила Алька. – Наша фирма проводит опрос населения. Для анкетиро-

вания мы выбрали ваш дом и именно ваш подъезд. Не согласитесь ли вы ответить на мои вопросы?

Старичок посторонился, пропуская Альку в маленький коридорчик.

– Отчего не согласиться, если вопросы будет задавать такая милая девушка, – весело сказал он. – Вот только никогда не думал, что представляю интерес для социологов.

Алька, успевшая мельком оглядеть прихожую и видневшуюся за дверью единственную комнату, поняла, что он имеет в виду. Квартирка была бедной, хотя чистенькой и аккуратной. В ней не было ни одной новой, современной вещи – в углу ютился старенький пылесос, мебель обшарпанная, на тумбочке стоял допотопный телевизор «Рубин».

– Вы небось дом-то наш не случайно выбрали, – продолжил хозяин, входя в комнату и усаживаясь на диван. – Тут все больше люди состоятельные живут. А я здесь по случаю оказался, поменялся с невесткой и сыном. Им в центр хотелось, а это окраина, хоть дом сам по себе хороший.

– Ничего, для нас интересны все слои населения, а не только состоятельные.

– Ну коли так, то можете начинать. – Старичок кивнул Альке на кресло, стоявшее перед телевизором. – Я к вашим услугам.

Алька нацелилась ручкой в блокнот и выдала первый вопрос, который придумала еще в лифте:

– Из скольких человек состоит ваша семья?

– Один я, – вздохнул хозяин. – Жена три года как умерла. Дети давно взрослые, разъехались.

Алька сочувственно кивнула и продолжала. Вопросы сыпались как из рога изобилия – она призвала на помощь всю свою фантазию.

Старичок терпеливо и спокойно отвечал Альке, хотя многие вопросы – пользуетесь ли вы сотовым телефоном, есть ли у вас автомобиль, как часто вы ездите за границу – вызывали у него на лице грустную улыбку. Однако Алька решила играть роль до конца. План ее заключался в том, чтобы с опроса плавно перейти к обсуждению жильцов соседних квартир и постепенно подобраться к покойному Кретову. Она уже собиралась осуществить задуманное, как вдруг последний вопрос о том, где анкетизируемый предпочитает покупать продукты питания – на оптовых рынках, в магазинах поблизости или в супермаркетах, – вызвал у хозяина неожиданное раздражение.

– Где ж я могу их покупать? – досадливо поморщился старичок. – Конечно, на оптовом рынке. Это только мой сосед специалист был по супермаркетам.

– Который сосед? – осторожно поинтересовалась Алька, боясь спугнуть неожиданно-негаданно привалившую удачу. – Справа или слева?

– Да слева, – охотно отозвался старичок. – Тот, которого убили недавно.

– Убили? – Алька округлила глаза.

– Ну да. Я, грешным делом, завидовал ему, глупый человек. А вот поди ж ты, не довела его до добра такая жизнь.

– Завидовали? – Алька отложила блокнот в сторону. – Чему же вы завидовали? И какая жизнь не довела вашего соседа до добра?

Старичок нахмурился, сердито поджав губы.

– Удивлялся я на него, на Павла-то Тимофеевича, – проговорил он, кивнув на стену, за которой находилась квартира Кретова. – Чуть-чуть меня помоложе, а жил совершенно иначе. Мы с покойной женой, бывало, тянем от пенсии до пенсии, а он машины меняет одну за другой. Конечно, работал он до последнего, да только многие работают, а достатка такого все одно нет. Но не это даже главное. – Он доверительно придвинулся к Альке. – Я вот чего понять не мог. Сам я с женой прожил сорок лет, двоих детей вырастил. Всякое было, но чтоб налево смотреть – ни-ни, никогда! А Павел Тимофеевич покойный, царствие ему небесное, ходок был, каких поискать. Когда в этот дом въехали, у него вторая жена была, Зина. С первой он развелся. Зинаида моложе его, умница, красавица, а он и с ней умудрялся ссориться каждый день. До драк иногда доходило. Потом он Зину выставил, снова один остался. К тому времени уже совсем старик стал, болезни всякие вылезли у него. Мы думали, наконец остепенится, да не тут-то было. Не прошло полгода, как Зинаида уехала, глядь – к нему новая женщина ходит. Да какая женщина! – Старичок покачал головой.

– Какая? – любопытствовала Алька.

– Молодая, в дочери ему годится. Красивая, фигуристая, ростом на голову его выше. Тут все мысли о радикулите да давлении, а сосед на автомобиле с красоткой разъезжает, пакеты полные таскает из этого самого супермаркета! Ну не обидно ли?

– Обидно, – со смехом согласилась Алька. На самом деле ей было вовсе не смешно. Известие о том, что у Кретьова имелась молодая любовница, сразило ее наповал. На репетиции Павел Тимофеевич приходил усталый, злой, еле живой, и Алька представить себе не могла, что он может блистать победами на любовном фронте. – Молодец был ваш сосед.

– Какой там молодец! – Старичок махнул рукой. – Сам на свою погибель старался.

– Почему же? – спросила она, еле сдерживая охватившее ее волнение.

– Да потому! Думать надо было, с кем связываешься на старости лет! Странная была она, женщина эта, ох странная. Очки темные в пол-лица, на голове вечно платок, как у арабов, ей-богу, так что ни волос, ни прически не видать. И одевалась соответственно – все свободное, длинное. Сколько раз, бывало, здороваешься с ней, так она мимо – юрк, только ее и видели. Либо в квартиру ускользнет, либо в лифт. И ни слова в ответ.

– Действительно, странно, – ответила Алька. – Может, она ненормальная была?

– Замужняя она была, – снисходительно, словно обращаясь к ребенку, разъяснил старичок. – Зачем иначе такая маскировка? Она и ходила-то – будто по воздуху летала. Каблучищи огромные, а шагов не слышать. Не хотела, чтобы ее узнали, боялась, стало быть.

При упоминании о неслышных шагах Алька почувствовала напряжение. А вдруг эта женщина тоже была во Владимире? Она вполне могла снять номер на первом этаже. С такой способностью к конспирации ей ничего не стоило остаться никем не замеченной. Тогда шаги, слышанные Алькой в коридоре, могли быть ее. И убить Кретьова могла она, почему бы и нет? Человек, у которого на уме нет ничего плохого, вряд ли станет наряжаться как на карнавал и будто по воздуху летать.

– Слухи-то разные ходят, – продолжал старичок. – Одни говорят, что муж ревнивый был у красотки, он и убил Павла Тимофеевича – отомстил, дескать. Другие – что это аферистка была, мошенница. Втерлась в доверие, добила чего хотела, правда, чего именно, неизвестно, а потом и угробила. Я, конечно, ни в то, ни в другое до конца не верю, а только слухами земля полнится.

«Вот это да!» – торжествующе подумала Алька. Ну и Кретьов! Чего придумал на старости лет. Старичок верно говорит – похоже на убийство из ревности. Муженек ее разгневанный мог нанять кого-нибудь, чтобы расправиться с любовником жены. Или Павла Тимофеевича обработала лов-

кая преступница. Тоже вполне вероятно. Так или иначе, но есть две версии, а это немало. Уже что-то, можно зацепиться. Искать надо эту красотку в темных очках, про которую в оркестре и не догадывался никто. Вот только где?

– Интересную историю вы мне рассказали, – сказала Алька, когда старичок замолчал. – Поучительную. Значит, квартира соседняя теперь пустая стоит?

– Пустая, – подтвердил старичок.

– Тогда и приходить бесполезно, – огорченно проговорила она. – Никто не откроет. А мне велели весь подъезд опросить. И так половина жильцов не хочет разговаривать! – Алька вздохнула, изображая на лице глубокую печаль.

– Зинаида иногда приезжает. Может, вы на нее случайно попадете. Только не знаю, станет ли она отвечать на ваши вопросы, – неуверенно произнес старичок.

– Не станет, конечно. Да и как я ее застану? Она ж небось тут раз в год бывает?

– Да нет, – возразил старичок, – чаще. Она ж любила Павла Тимофеевича, после того как развелись, все равно навещала.

«И на похоронах была, – подумала Алька. – Значит, стоит ее посетить. Если они расстались, сохранив хорошие отношения, может, бывшая жена что-нибудь расскажет о новом кретовском увлечении».

– Большое вам спасибо, – поблагодарила она старичка. – Вы меня очень выручили. Побольше бы таких сознательных

жильцов!

— Не за что, — засмеялся тот. — Я только рад, что живая душа пришла. А то сидишь один как сыч целыми днями. Тоска! — Он вздохнул и ласково улыбнулся ей.

— До свидания, — попрощалась Алька. Она вышла из гостеприимной квартиры, спустилась на лифте, с гордым видом забрала свое удостоверение у мрачного вахтера и покинула элитный дом. Будет теперь что сказать Ленке, утверждающей, будто Москва не Воронеж и люди здесь неразговорчивые.

Ира Сухаревская явилась на работу в отвратительном настроении. Причин на то было предостаточно. Главное – очередной конфликт, произошедший сегодня утром с мужем Игорем. Глаза бы на него не глядели – ничтожество, прирос к дивану задом, гвоздя вбить в стену не может. Сколько лет Ирка, считай, одна работает (разве можно принимать за деньги мужнины две тысячи?) и тянет всю семью – его, маму, Сонечку. Вымоталась вся – репетиции, гастролы, ни одной халтуры не пропускает, каждую копеечку старается ухватить, а все равно получается мало. Сейчас вот Соне репетитор по английскому понадобился, а урок у приличного педагога не меньше тридцати долларов стоит. Мужу все по барабану, лишь бы телевизор работал. Ирка терпит, терпит, да и взорвется, вот как сегодня. А Игорь ладно бы молчал, так еще и огрызается, ты мне жизнь, говорит, заела, и дальше – по-непечатному. Эх, давно надо было развестись, да она все Сонечку жалела, та как две капли воды на отца похожа и души в нем не чает. Правильно, тот ее не достает, как мать, ему все равно – поела ли, погуляла, сделала ли уроки. А девчонка думает: какой папа добрый, все разрешает. Тьфу, и вспоминать про дом не хочется.

А на работе что? Сегодня первая репетиция с новым дирижером, после того что случилось. Господи, да могла ли она

предположить такое? А теперь кажется, что это она виновата в случившейся трагедии. Видела, что с Валеркой творится, чувствовала, что добром это не кончится, вылетит тот из оркестра к чертовой матери. И ни разу не подошла, не поговорила ни с ним, ни с Кретовым, хотя могла бы – Павел Тимофеевич ее очень даже уважал. Глядела, как растет между ними ненависть, и молчала. Вот и домолчалась – Павла Тимофеевича больше нет, Валера в тюрьме. А оркестрантам, похоже, по фигуре. «Старички», с которыми Кретов начинал, Валерку Рыбакова не любят, слишком дерзкий он для них, им послушные нравятся, а молодежь, набранная в последние годы Васькой Чегодаевым, вообще ни на что серьезно не реагирует. Им лишь бы погудеть на гастролях да перетрахаться в номерах. Дирижера никто из них по-настоящему не чтит, была б зарплата да поездки, а кто машет за пультом – все одно.

Взять хотя бы ее группу, скрипачек этих новоявленных – Соловьеву с Бажниной. Ну Ленка-то Соловьева – девка себе на уме, она постарше, посерьезнее, в оркестре достаточно давно и профессиональна, ничего не скажешь. А только не получается у нее с Ленкой нормальных, человеческих отношений, так, внешнее все. Разные они, как полюса земли. Ленка Ирку слушается, а в глазах то ли насмешка, то ли презрение: мол, дура старая, что ты в жизни видела с горшками детскими да кастрюлями, то ли дело я, интересно живу, наполненно. Чихать Ирка на нее хотела, но все равно непри-

ятно.

А уж Алька Бажнина – это просто нечто. Красивая девочка, бобику ясно, у такой соблазнов море. Вон Чегодаев как вертится, аж слюной весь изошел, и мальчишки млеют, – конечно, ходит на репетиции, юбка до пупа, ногами сверкает, скалится улыбочкой в тридцать два зуба. И ведь при всем том талантливая девка, ужас какая талантливая. Уж ей ли, Ирке, проработавшей десять лет в музыкальном училище, этого не видеть. Такой бы в аспирантуру поступать, а она по кроватям порхает. При первом знакомстве Ирка ей представилась Ириной Александровной, разница все же больше десяти лет, так Алька, нахальная девчонка, морду сморщила, покивала, а в перерыве обращается мерзким таким голоском: «Ирина Александровна, можно выйти? Я в туалет хочу». Издевается. Так и повелось с тех пор. Неуютно Ирке под ее насмешливыми черными глазами, ох неуютно.

Сухаревская оставила в гардеробе дубленку, надела туфли – терпеть не могла париться в сапогах по четыре часа – и поднялась по лестнице в зал. Она любила приходить на работу одной из первых: мало ли всяких дел, на которые дома просто не хватает времени, – например, проставить штрихи, рассчитать часы групповых репетиций, да просто пройти партию разок-другой. Ирка, конечно, всегда в приличной форме, но поучить то, что играешь, никогда не помешает. А теперь наверняка придется собираться группой, и не раз-другой, а много – Горгадзе, говорят, страшный педант, веж-

лив, как аристократ, но всю кровь высосет, пока струнные не состроят идеально в унисон. Вот тут девочки и попляшут: Кретов хоть и мог обложить матом во время репетиции, и вообще в выражениях не стеснялся, но к скрипкам претензий предъявлял мало, его всегда больше духовики злили.

В дверях показался Чегодаев, как всегда подтянутый, в безупречно сидящем на нем жемчужно-сером костюме.

– Приехал Горгадзе? – спросила она.

– Приехал, – сердито буркнул Чегодаев. – Еще вчера. Я смотрю, народ не больно-то собирается. Думают, по-прежнему на сорок минут позже будем начинать. А Горгадзе уже внизу. – Кретов по утрам чувствовал себя неважно, поэтому репетиции в Москве назначались не раньше одиннадцати, и то Павел Тимофеевич являлся на них с почти часовым опозданием. Зато потом задерживал надолго. – Где девицы твои? – Васька выразительно посмотрел на часы. – Впарит нам по первое число.

– Сейчас придут. Не дрейфь, не станет он с первого дня вредничать.

– Да тебе откуда знать? А я с ним в Польшу ездил и в Финляндию. Этот почище Крета будет, и особенно вам достанется, пиликалкам.

– Я знаю.

– Ты все-таки займись дисциплиной, – выпустив пар, миролюбиво посоветовал он Ирке и скрылся из зала.

Сухаревская кивнула, подумав: шел бы ты подальше со

своей дисциплиной. Хозяином себя почувствовал последнее время, а был-то кем, господи, всего каких-нибудь пять-шесть лет назад! И кому пыль в глаза пускает, ей, Ирке, которая его как облупленного знает.

В зале стал появляться народ, слышались приглушенный смех, разговоры. Едва оркестр собрался полным составом, в зал легкой, пружинистой походкой вошел Горгадзе. По контрасту с Кретовым, выглядевшим значительно старше своего возраста, новый дирижер казался совсем молодым, хотя на самом деле ему недавно стукнуло пятьдесят. Прямой, как струна, с гривой черных, почти без проседи, волос, в длинном свободном свитере, красиво подчеркивающим стройную плечистую фигуру, он невольно радовал глаз. Казалось, что вместе с ним в душный, переполненный зал ворвался свежий, мощный ветер. По оркестру прошелся шепоток.

– Здравствуйте, – начал Горгадзе с сильным кавказским акцентом. – Познакомимся. Меня зовут Рафаил Нодарович, я рад иметь честь принять руководство Московским муниципальным симфоническим оркестром.

Ира услышала, как под боком у нее тихо присвистнула Алька. Вот детская непосредственность. Конечно, за год работы девчонка ничего подобного от дирижера не слышала – одни красочные эпитеты нелитературного происхождения, а тут вдруг «рад иметь честь». Ирка покосилась на Бажнину, сделала строгое лицо, и та притихла, но через минуту уже шушукалась с Ленкой.

Горгадзе был немногословен. Он сказал еще несколько приветственных слов, предложил почтить память Павла Тимофеевича Кретьова вставанием и приступил к репетиции. Конечно, как и ожидала Ира, дирижер тут же стал цепляться к струнным, в особенности к скрипкам, что было немудрено – Горгадзе в прошлом был неплохим скрипачом. Вскоре весь оркестр отдыхал, а группа Сухаревской пахала по-черному. Горгадзе убрал несколько последних пультов, потом еще пару, так что наконец играющих осталось шестеро: сама Ира, помощник концертмейстера Владик Кудряшов, Ленка с Алькой за вторым пультом и муж с женой Скворцовы за третьим.

Ирке стало не по себе: лицо Горгадзе оставалось бесстрастным, тон – холодно-вежливым, и она не понимала его. Сейчас привяжется, почему за первыми пультами сидит молодежь, и поди доказывай, что девчонки свои партии знают, на концертах они звучат ярче и смелее, чем сидящие позади «ветераны», и Ирка, как концертмейстер, привыкла полагаться на них. Стоит только кому-нибудь из них навалить, хоть минимально, и Горгадзе тут же турнет их со второго пульта, уж Бажнину с годовым стажем работы в оркестре – точно. То-то будет мороки со всеми пертурбациями, света белого неувидишь.

– Пожалуйста, первые три пульта, и, если можно, чисто! – Горгадзе поднял палочку мягким и гибким движением.

Ира начала тему, напряженно прислушиваясь к тому, что

творится сзади. Но там все было благополучно. Она прошла трудное место, удовлетворенно отметив про себя, как легко, чисто и звучно поет прямо за ней Алькина скрипка. Вот ведь нервы железные у девицы: неделю не репетировали, играет перед новым дирижером и не дрейфит ни капельки. А звук, черт возьми, какой звук! Как это в ней сочетается – невероятно!

Горгадзе довольно кивнул:

– Неплохо, совсем неплохо. Вот так нужно всей группе.

Отчего-то Ира почувствовала радость, заставившую ее позабыть о семейных дразгах, о разыгравшейся с утра мигрени, о Сонечкиных подростковых прыщах. Такое чувство она испытывала всего два раза в жизни, первый – когда на госэкзамене ее ученице комиссия, не совещаясь, поставила «пять с плюсом», а второй – сейчас, слушая за спиной игру этой непонятной, дерзкой и колючей девчонки с черными цыганскими глазами.

– А мне он, честное слово, понравился. – Алька поморщилась и теснее прижала к груди скрипку. – Господи, сколько же народу набилось в этот проклятый автобус! Такое впечатление, что следующий будет только завтра.

– Он будет через час, а это почти то же самое, – ответила Ленка.

Девчонки ехали в Химки, где жила бывшая супруга Кретьова, Зинаида Ильинична Вертухова. Домой они заезжать не стали, поэтому сейчас больше собственных отдавленных ног их волновало, довезут ли они инструменты в целости и сохранности.

– Так я о Горгадзе, – повторила Алька, крепко вцепившись в свисающую сверху кожаную петлю. – Дельный человек. Зря Васька всех им пугал.

– Погоди, это только первая репетиция. Он, так сказать, присматривался, знакомился, а гайки закручивать потом начнет.

– Куда еще закручивать? – возмутилась Алька. – И так уже все чумовые от кретовских воплей. По крайней мере, этот хоть не орет, и то приятно.

– Зато как засадит тебя на групповые струнные по три часа в день эдак на месяц, вспомнишь старые добрые времена. Ура, мы, кажется, приехали.

Двери автобуса медленно, будто с неохотой, разъехались в стороны, и толпа хлынула на выход, увлекая за собой девушек.

– Сколько времени было свободного на неделе, так нет, непременно нужно было дожидаться рабочего дня, – укорила Алька подругу, оглядываясь по сторонам. – Так бы утром поехали, а теперь смотри, уже темнеет. Сейчас сто лет будем искать улицу и дом.

– А ты хотела, чтобы мы заявили к кретовской жене сразу после похорон?

– Но она же бывшая жена!

– Это ровным счетом ничего не значит. Можно и нынешней женой быть, а на смерть супруга дорогого наплевать, а бывает наоборот – давно развелись, но человек все равно останется близким. Почему мы знаем, может, у них как раз так... Да я тебя умоляю, не забудь, под каким соусом мы туда едем, не спрашивай лишнего.

В телефонном разговоре с Зинаидой Ильиничной Алька, по Ленкиному наущению, сказала, что они внештатно сотрудничают в журнале «Музыкальное обозрение» и желают написать статью о своем безвременно погибшем дирижере. Зинаида Ильинична была довольно любезна и пригласила девушек к себе. Дом они отыскивали на удивление быстро. Вертухова оказалась маленькой, живой женщиной лет пятидесяти пяти, с подвижным, миловидным лицом, на котором выделялись крупные, слегка навывкате, карие глаза. По квар-

тире распространялся аромат капустного пирога, в узком коридорчике было тесно от стоящих в беспорядке коробок и чемоданов.

– Проходите, девочки. – Зинаида Ильинична улыбнулась и поманила гостей за собой в глубь прихожей, где на стене висела переполненная вешалка. – Раздевайтесь и проходите. Не успела прибраться к вашему приходу, так что извините.

– Вы переезжаете? – поинтересовалась Алька, осторожно пристраивая на крючке свою куртку и придерживая ее рукой, чтобы та не слетела.

– Переезжаю? – засмеялась Вертухова. – Да что вы! Куда мне переезжать? Я счастлива, что у меня этот угол есть. На квартиру теперь заработать сложно, да и незачем мне. Здесь еще мама моя жила, а я одна.

– А я думала, в коробках вещи, – сказала Алька.

– Это Павла Тимофеевича – книги, ноты, партитуры. Только вчера привезли, я не успела разобрать. Ну повесили? Тогда идемте сразу за стол, чай пить.

Вертухова не выглядела ни грустной, ни убитой горем. Она провела девушек через маленькую, такую же тесно заставленную комнату в кухню, где стоял старинный, покрытый ослепительно-белой, крахмальной скатертью, круглый стол. Через минуту на нем красовались большие перламутровые чашки и румяный пышный пирог.

– Кофе не предлагаю, потому что сама его не пью. Но, уверяю, вы не пожалеете, что попробовали мой чай. – Зинаида

Ильинична поставила на скатерть огромный заварной чайник и графин с холодной водой.

Она разлила по чашкам вишневого цвета жидкость, добавила чуть-чуть воды и, усевшись за стол, скомандовала:

– Пейте.

Чай имел привкус лимона, мяты и еще чего-то, неуловимо знакомого, но чего именно – Алька понять так и не смогла.

– Ну как? – придирчиво спросила Вертухова.

– Вкусно. – Ленка с любопытством заглянула в чашку, будто там, на дне, плавал какой-то секрет.

– Мой фирменный рецепт, – гордо проговорила Зинаида Ильинична. – А теперь можно перейти к делу. Значит, вы работаете в оркестре покойного Павла Тимофеевича?

– Да, – подтвердила Алька, – мы скрипачки.

– И параллельно пишете статьи в журнал?

– Именно.

– Что ж. – Вертухова первый раз за все время вздохнула. – Мне нравится идея написать статью о Павле Тимофеевиче. И еще больше меня радует, что сделает это не искушенный и равнодушный музыкальный критик, а молодежь, которой Павел посвятил последние годы жизни.

Вертухова отодвинула чашку и замолчала. Ленка сосредоточенно жевала пирог, Алька разглядывала стены кухни, увешанные картинами.

– Я прошу меня извинить, – слегка изменившимся голосом сказала Вертухова, – стараюсь не думать об этом, но

не могу. Какая нелепость, страшная, трагическая нелепость! Ведь это был удивительный, неординарный человек, настоящий музыкант. – Зинаида Ильинична поспешно встала из-за стола, вышла в комнату и тут же вернулась с кипой папок. – Вот, – она бережно раскрыла одну из них, – видите, чем он занимался в последние годы? Да-да, это его собственные переложения опер. Тут и Вагнер, и Чайковский, и Римский-Корсаков, и многие другие композиторы. Невероятный, титанический труд – он не спешил его публиковать, доделывал, беспрестанно совершенствовал. Он начал заниматься этим, когда мы еще были вместе.

– Отчего вы расстались? – осторожно спросила Алька, удивленная такой осведомленностью Вертуховой о делах бывшего мужа.

– В двух словах не скажешь. Видите ли, такие личности, как Павел Тимофеевич, – одиночки. Они не созданы для жизни в семье. В сущности, я всегда понимала это. Знала, что жить с ним будет непросто. А оказалось – невозможно. Винить в этом некого. Его вообще раздражали люди, реальные, обыкновенные люди. Они отвлекали его от своих мыслей. Требовать от него, чтобы он был рядом, невыносимо. Но это я понимаю сейчас, а тогда... как всякой женщине, мне хотелось внимания, заботы, участия. Он злился, взрывался... Это не для статьи, но почему-то мне хочется, чтобы вы поняли – я ни в чем не виню мужа, я им горжусь.

– Зинаида Ильинична, – Алька почувствовала, что нуж-

ный момент настал, — мы бы хотели, чтобы вы рассказали нам о последних годах Павла Тимофеевича, когда он работал с нами. Чем он жил, какие люди его окружали.

Вертухова печально покачала головой:

— Я же говорю, Павел не любил людей. Последние три-четыре года он и вовсе сделался мизантропом. Жил один, никуда не выезжал, кроме работы. Друзей забросил, да, честно говоря, их у него и не было, настоящих друзей. Он жил всегда одной музыкой. Правда... — Вертухова замялась, отхлебнула совсем остывший чай, и поглядела куда-то вбок, — правда, в последние годы, кажется, у него в жизни появилось кое-что.

— Что? — Алька нетерпеливо заерзала на стуле.

— А что появляется у стареющих, нуждающихся в источнике вдохновения мужчин?

— Вы имеете в виду новый роман?

Вертухова кивнула:

— Я лично его пессию не видела, но некоторые из наших общих знакомых передавали мне... И сам Павел в разговоре по телефону намекал на необычайный творческий подъем, якобы охвативший его в последнее время.

— И вы не знаете, кто эта женщина? — еле сдерживая разочарование, спросила Алька.

— Ну конечно, нет. Соня говорила про нее — странная. Одевается как на маскарад, вечно в темных очках, в головном уборе. Явно молодая.

Алька не удержалась и кинула торжествующий взгляд на Ленку.

– Кто это – Соня? – поинтересовалась та, незаметно пожимая плечами в ответ.

– Соня? Это родная сестра Павла, Софья Тимофеевна Кретова. Чудесный, святой человек, единственная серьезная его привязанность и самый преданный друг. Кстати, о ней вы можете написать в своей статье – Павел многим ей обязан, она посвятила ему жизнь.

– А она станет с нами разговаривать? – недоверчиво спросила Ленка.

– Отчего же нет? Она, конечно, в жутком состоянии, я только вчера была у нее. Может, стоит выждать несколько дней, неделю, на худой конец. Но в конечном счете разговор с вами должен пойти ей на пользу – у нее появится какой-то смысл в жизни. Я напишу, как с ней связаться.

Вертухова принесла из комнаты лист бумаги, ручку и записала адрес и телефон Софьи Кретовой.

– Вот, держите. – Она протянула листок Альке, и та спрятала его в карман джинсов.

– Можно взглянуть на партитуры? – неожиданно спросила Ленка.

– Пожалуйста. – Зинаида Ильинична пододвинула к ней ворох папок. – Когда-нибудь об этом узнает музыкальный мир, помяните мое слово.

Алька с любопытством заглянула подруге через плечо. В

папке лежали толстой стопкой широкие нотные листы, исписанные мелким, корявым кретовским почерком. Первой партитурой оказался «Тангейзер» Вагнера. Изложение показалось Альке громоздким и перенасыщенным, но кто его знает, как это звучит живьем в оркестре? Может, и вправду гениально. Ленка один за другим перекладывала нотные листы из папки на стол.

«Боже мой, сколько же их! – поразились Алька. – И когда он только успел все это написать?»

Ленка потрясла две слипшиеся странички, и из них на стол вдруг выпал прямоугольничек плотной бумаги. Вертухова удивленно взяла его в руки, перевернула. Это оказалась фотография скрипки – такие делают для загранпаспорта на вывоз инструмента за рубеж.

– Откуда это здесь? – удивилась Зинаида Ильинична, машинально закладывая фотографию в самый низ, на дно папки. – Вы дальше смотрите, там Чайковский, уникальная работа.

– Действительно, здорово. – Ленка пристально изучала глазами партитуру, на которую указывала Вертухова.

«Надо же! – Алька с уважением поглядела на подругу. – Неужели она так прямо слышит музыку с листа?» Сама Алька вконец запуталась и устала. Ей было ясно, что ничего дельного у бывшей жены Кретьова узнать не удастся, хотелось поскорее свернуть разговор и уйти. Но Ленка, казалось, всерьез заинтересовалась кретовскими трудами, лицо ее ста-

ло сосредоточенным, она методично перекладывала страницу за страницей, пока в папке не осталась одна фотография скрипки.

– Фантастика, – пробормотала Ленка и аккуратно сложила партитуры обратно в стопку. – И в голову не могло прийти, что он этим занимается.

– Напишите об этом, девочки. – Оживившаяся Зинаида Ильинична завязала тесемки на папке. – Обязательно напишите.

– Напишем, – пообещала Ленка. – И сколько у него таких папок?

– Не менее десяти. Я и сама в шоке – мы же давно не виделись, откуда мне было знать о такой гигантской работе. Теперь вот буду разбирать все это. – Вертухова махнула рукой в сторону коридора.

– Нам пора. – Алька поднялась из-за стола и незаметно потянула Ленку. – Поздно уже, завтра с утра репетиция. Вы нам очень помогли.

– А вы мне, – просто сказала Вертухова. – Приятно, что, несмотря на тяжелый характер Павла Тимофеевича, в оркестре так тепло к нему относились. Не поленитесь зайти к Софье Тимофеевне, она расскажет вам много интересного.

– Обязательно, – горячо заверила Алька.

Они с Ленкой с трудом успели на автобус до Москвы – следующий шел через два с половиной часа и прибывал из Химок в одиннадцать. Салон был полупустой, дорога сво-

бодная, и девчонки доехали минут за двадцать.

– Это же почти Москва, – удивилась Алька, завидев в окне огни метро, – а мне показалось, что мы заехали к черту на рога.

– Ты поезди туда в час пик, – усмехнулась Ленка.

– Верно. Вот уж не ожидала от Крета такой прыти. Смотри, сколько накатал, глядишь, бывшая жена теперь миллионершей станет, когда все издаст. Она ж его единственная наследница.

– А я думаю, не она, – задумчиво протянула Ленка.

– А кто?

– Сестра. Эта самая Софья Тимофеевна. Когда мы к ней, кстати, наведемся?

– Ты меня спрашиваешь? Я хоть завтра готова.

– Нет, завтра нельзя, дня через три, думаю, будет в самый раз.

– Ну через три, так через три, – покладисто согласилась Алька и вздохнула. – Смотри, все дороги ведут к этой таинственной бабе. Непременно нужно ее разыскать.

– Сомневаюсь, чтобы она нам многое рассказала, даже если мы ее найдем. Ну любовь на старости лет, с кем не бывает. К убийству это какое отношение имеет? И потом, во Владимире такой дамы не наблюдалось, очень уж она заметная.

– Я ж не говорю, что она пришила Крета. Просто раз он такой нелюдимый был, кто еще может о нем что-нибудь знать? Получается, очкастая – самый близкий ему человек. Разве

не так?

К своему дому Алька подошла, когда на часах было пять минут одиннадцатого. На кривой лавочке, сосредоточенно глядя себе под ноги, сидел Андрей. Увидев его, Алька вспомнила, что он собирался приехать почти неделю назад. Надо же, поговорила тогда и забыла начисто.

– Привет, – он прытко вскочил навстречу. – Где ж ты бродишь на ночь глядя?

– Привет, – устало проговорила Алька. – По делам брожу. А вот кто-то собирался позвонить и прийти, но уже дней пять прошло.

– Болел я, – смущенно объяснил Андрей. – Поговорил с тобой, и на следующий день меня такой грипп скосил! Температура и все прочее.

– Бедненький, – насмешливо пожалела его Алька. – Витамины пить нужно. Зачем же ты притащился, полубольной, лежал бы дома, звякнул, я б к тебе зашла, поухаживала.

– От тебя дождешься ухаживаний, – хмыкнул Андрей. – Не бойся, не заражу, я уже почти здоров. Потопали лучше, а то холодрыга, я тебя час дожидаюсь.

Дома Алька сразу же вскипятила чайник, налила две чашки, поставила их на поднос вместе с печеньем, булкой, куском колбасы и отнесла все это в комнату. Андрей уселся к самой батарее, вытянув замерзшие ноги. Лицо его было крас-

ным, как у Деда Мороза, будто на улице стоял не март, а декабрь. Он мгновенно выпил чай, налил себе еще, осушил вторую чашку и удовлетворенно произнес:

– Теперь порядок, согрелся. Ну рассказывай, как жизнь, что новенького. Дирижер новый приходил?

– Приходил.

– И как?

– Нормально.

– Что-то немногословно.

– Андрюш, я устала, меня с самого утра сегодня дома не было. А Горгадзе мы только первый раз видели. Дирижер как дирижер, в отличие от Крета, матом не кроет, и то славно.

– А тот парень, который его... – Андрей сделал выразительный жест. – С ним что? Сидит?

– Сидит.

– Не повезло ему.

– Не повезло. Давай мы что-нибудь другое обсудим.

– Давай. Например, я снова могу спросить, где ты сегодня была.

– Можешь.

– И ты, конечно, мне не ответишь.

– Ты весьма догадлив.

Андрей засмеялся:

– Алька, ты никогда не изменишься. В тебе нет ни грамма великодушия. Ну скажи, зачем я сюда пришел?

– Не знаю. Наверное, чаю попить.

– Дура!

Андрей уронил руки на колени, опустил голову. В другой раз Алька, наверное, пожалела бы его – в самом деле, бегаёт за ней парень, совсем разум потерял. И хороший ведь, не кобель, как Копчевский или Чегодаев. Но сейчас Альку почему-то охватила злость. «Меня небось никто не жалеет», – с ожесточением подумала она, демонстративно составила пустые чашки на поднос и отправилась на кухню. Когда она вернулась, Андрей уже был прежний, веселый, добродушный и спокойный.

– Обиделась? – Он попытался заглянуть Альке в глаза.

– За дуру? Ничуть.

– Ну и молодец. Ты же знаешь, мне ничего не нужно.

– Я знаю, Андрюш.

– Просто мне нравится сюда приходить. Тебе ведь не жалко?

– Не жалко. Приходи на здоровье.

Алька вдруг почувствовала, что невероятно устала. От всего: от враждебной вечерней тишины за стеной, от постоянного напряжения во время игры, от косых, неодобрительных Иркиных взглядов, от необходимости радостно улыбаться Ваське Чегодаеву, Алику, Славке и даже Ленке, когда совсем не хочется. А чего хочется? Разреваться на Андрюшкиной надёжной груди, собрать шмотки, уехать с ним в его однокомнатную квартиру, стать если не любящей, то хотя бы любимой, носимой на руках женщиной? Нет, это минут-

ная слабость, она потом себе не простит, всю жизнь будет жалеть, что у нее не хватило последней капельки мужества. Нельзя расслабляться, она сама заварила эту чудовищную кашу, по ее вине в тюрьме ни в чем не виновный человек. Значит, надо идти до конца, выдержать, не распускать сопли. Эх, черт, если бы можно было поговорить с Валеркой, сказать, что она верит ему и сделает все возможное...

Внезапно кровь прилила к лицу. А почему она не может с ним поговорить? Очень даже может! Хоть завтра или в крайнем случае послезавтра.

Андрей изумленно смотрел на ее торжествующее лицо.

– Ты что? – окликнул он тихонько. – У тебя такой вид, будто ты чемодан баксов нашла.

– Пока не нашла, – серьезно сказала Алька. – Но, кажется, знаю, на какой дороге он лежит.

После репетиции решили остаться – сегодня было девять дней со смерти Павла Тимофеевича. Молодежь сгоняла в магазин за продуктами и выпивкой, женщины наскоро накрыли на стол. Кто-то, едва помянув дирижера, вскоре исчез, большинство посидели час и разошлись. Остались лишь «старички» и несколько человек из струнной группы, торопиться которым, по-видимому, было некуда. Сухаревская и Чегодаев, сидя в углу стола, обсуждали недавнюю репетицию, на которой Горгадзе продолжал давить струнников, и особенно первые скрипки.

– Яркости ему не хватает! – тихо возмущалась Ира. – И что мы можем, я тебя спрашиваю, если даже у меня Вильом, а у остальных в лучшем случае «немцы», а в худшем – современные инструменты. Итальянских скрипок в группе – одна-две и обчелся. Зажрался он там, в своей Франции, проблем наших знать не хочет.

Стоило ей выпить хотя бы пару стопок водки, на нее напало скандальное настроение. Чегодаев с улыбкой смотрел на разбушевавшуюся Ирку. Завтра хмель слетит с нее, и бесменный концертмейстер покорно засядет за групповые, будет три шкуры драть со своих и выжмет-таки из них яркость почище чем из любого, играющего на «итальянце». На то она и Ирка Сухаревская.

– Успокойся. – Васька наконец прервал ее затянувшийся монолог. – Закуси, и пойдем к нашим.

Он кивнул в сторону окна, где, нарушая все установленные филармонией правила, курила небольшая мужская компания во главе с Гловым. Витю Глотова Чегодаев недолюбливал – тот казался ему холодным, расчетливым дельцом, бесконечно далеким от жизни оркестра и музыки в целом. Как бы удивился Васька, узнав, что многие считают таким же его самого. Но это было несправедливо: Чегодаев был музыкант, и музыкант до корней волос, до смешного влюбленный в свою профессию, способный долго и тяжело трудиться.

Работа инспектора поначалу давалась ему нелегко – мешала осторожность, привычка все делать с оглядкой. Васька втянулся в инспекторство постепенно, почувствовал вкус, уверенность, стал незаменимым человеком для администрации. Глов же изначально был нацелен лишь на то, чтобы делать в оркестре деньги. Получать удовольствие от работы – такого понятия для него просто не существовало. Дело свое он знал блестяще, гастроли по России и зарубежью организовывал безупречно и с максимальной выгодой, но в его холодных синих глазах за толстыми круглыми стеклами очков никто и никогда не видел улыбку. Хотя, конечно, Виктор Глов улыбался и даже смеялся. Но так уж у него получалось, что глаза будто жили отдельно.

У окна разговор шел на ту же животрепещущую тему. Изырядно принявший, Алик Копчевский, с красным, сердитым

лицом, громко говорил концертмейстеру альтов Толе Женчуку:

– А ты попробуй поиграй на моем полене, и я посмотрю, какой у тебя будет звук! – Женчук отворачивался от Копчевского, но тот надвигался на него, норовя заглянуть прямо в лицо. Прозрачные, словно лед, глаза Глотова перемещались с Копчевского на Женчука и обратно, пока наконец не замерли на Алике.

– Я что-то не пойму, кто мешает тебе заработать на приличный инструмент? – холодно поинтересовался он.

Алик от возмущения потерял дар речи и умолк на полуслове. Потом он втянул воздух, смешно заморгал и проговорил:

– Кто мне мешает? Ты еще спрашиваешь! Тебе ли не знать, как мы тут пашем, каждый день вызов, а я, к твоему сведению, вечером квартетом в клубе играю. Иногда и ночью. И что, заработал я на «итальянца»? Черта лысого!

Чегодаев увидел, как наострила уши Ирка, и не успел он что-либо предпринять, как та подлетела к Гловову.

– Заработать, говоришь? – прошипела она. – Да как он, мальчишка, может заработать, если я пятнадцать лет оттрубила здесь – и то ничего путного не смогла! Думай, что говоришь, – зажрался, разжирел за наш счет!

– Прекрати, Ир. – Чегодаев, который никогда, даже в самом сильном подпитии, не выдал бы своей антипатии к Гловову, потянул ее за рукав, но та лишь в ярости зыркнула на

него.

– А нечего оскорблять! – отчеканила она. – Живет за наш счет, ладно, пусть, но чтоб уважал!

– Правильно! – заорал Копчевский. – Экс-сплу-ататор! – Язык его заплетался, он еле держался на ногах.

– Пора расходиться. – Васька подмигнул Готову. – Помянули дирижера, и ладно.

– Да я что? – пожал тот плечами. – Ничего обидного в виду не имел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.